

КЛЕР МАКИНТОШ

КТО
НЕ СПРЯТАЛСЯ

КЛУБ
СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

Annotation

Зоуи случайно обнаруживает в газете свою фотографию, под ней указан адрес какого-то сайта. Она обращается в полицию и с ужасом узнает, что другие женщины, чьи данные размещены на сайте, убиты. Когда Зоуи обнаруживает, что в ее квартире кто-то побывал, она обращается за помощью к лучшей подруге – Мелиссе. Та предлагает спрятаться у нее. Зоуи вместе с дочерью покидают свою квартиру, ставшую небезопасной, даже не подозревая, что попали в ловушку коварного преступника...

Клер Макинтош

Кто не спрятался

Все персонажи и события в этом произведении, за исключением исторических, являются вымышленными, все совпадения с реальными людьми, живыми или покойными, случайны.

* * *

Посвящается моим родителям, которые столь многому меня научили

* * *

Ты делаешь одно и то же каждый день. Ты в точности знаешь, куда идешь. Ты не одна

Глава 1

Мужчина за моей спиной стоит настолько близко, что я чувствую его дыхание на своей коже. Я чуть подаюсь вперед, прижимаясь к серому плащу другого пассажира. Плащ воняет мокрой псиной. Дождь идет с самого начала ноября – и мне кажется, что он не прекращался ни на минуту. Над разгоряченными телами в толкотне вагона поднимается пар. Чей-то дипломат вжимается мне в ногу. Поезд резко сворачивает, но окружающие люди поддерживают меня, не давая упасть, и я невольно выставляю вперед ладонь, опираясь на пассажира в сером плаще. На остановке «Тауэр-Хилл» из вагона вываливается десяток людей, но два десятка новых пассажиров тут же занимают их места – вечер пятницы, всем не терпится вернуться домой.

– Не стойте у дверей, проходите внутрь вагона! – доносится из динамика.

Но никто не двигается.

Мужчина в сером плаще вышел, и я заняла его место. Тут лучше – во-первых, можно держаться за поручень, во-вторых, никакой незнакомец больше не дышит мне в шею. Поток людей сумку увлекло мне за спину, и я с трудом возвращаю ее на место. Два японских туриста с гигантскими рюкзаками занимают вдвое больше места, чем положено на пассажира. Какая-то женщина в другом конце вагона замечает, как я смотрю на них, перехватывает мой взгляд и морщится в знак солидарности. Я поспешно отворачиваюсь и смотрю себе под ноги. Сколько здесь разной обуви! Мужские начищенные туфли выглядывают из-под брюк в тонкую полоску, яркие женские сапожки на высоких каблуках и с удлиненным носком явно сдавливают пальцы. Вижу я и пару щегольских чулок, матово-черных, венчающихся совершенно не подходящими к ним белыми кроссовками. Владелицу чулок скрывает толпа, но я думаю, что ей лет двадцать и она надевает кроссовки в дорогу, пряча модные офисные туфли в большой пакет или в ящик стола на работе.

Я никогда не носила на работу каблуки. Я едва переросла кеды «Кларкс», когда забеременела Джастином, а в супермаркет «Теско» или на прогулку с малышом в обуви на каблуках не пойдешь. Теперь мне уже достаточно лет, чтобы не идти на такие жертвы. Час в вагоне по дороге на работу, еще один час – по дороге домой. Сломанные эскалаторы. Мамаши с колясками, подростки с велосипедами. И ради чего? Восемь часов за столом. Нет уж, я лучше буду надевать обувь на каблуках на праздники, по особым случаям. На работу я всегда ношу черные брюки с эластичными кофточками, которые не надо гладить, – такая импровизированная униформа выглядит достаточно прилично, чтобы сойти для офиса. А в нижнем ящике стола я храню вязаную кофту – на тот случай, когда клиенты идут один за другим, дверь непрерывно открывается и закрывается и в офисе становится холодно.

Электричка останавливается, и я протискиваюсь на платформу. Отсюда я поеду наземкой, и хотя там столь же многолюдно, я чувствую себя куда комфортнее. В метро мне не по себе, трудно дышать, хотя я и знаю, что виной всему мое воображение. Мне хотелось бы работать где-нибудь неподалеку от дома, чтобы до офиса можно было дойти пешком, но такого никогда не случится: хорошо платят только за работу в центре, а цены на аренду жилья приемлемые только ближе к окраине города.

Электричку приходится ждать, поэтому я покупаю в киоске рядом с билетным терминалом «Лондон газетт». Мрачные заголовки соответствуют сегодняшней дате – пятница, тринадцатое ноября. Полиция раскрыла очередной план террористов, и первые три

страницы заняты описанием взрывчатки, изъятой в квартире в северной части Лондона. Я просматриваю снимки бородатых мужчин и подхожу к трещине в покрытии на платформе под вывеской станции – именно там откроется дверь вагона. Если встать перед трещиной, я смогу протиснуться на свое любимое местечко до того, как вагон наполнится людьми. Мне нравится сидеть в хвосте вагона, где можно опереться на окно. Вагон быстро переполняется, и я смотрю на стоящих, радуясь тому, что неподалеку нет пожилых людей и явно беременных женщин, – значит, никому не придется уступать место. Несмотря на туфли на низких каблуках, ноги у меня болят – сегодня я целый день простояла у канцелярского шкафа. Вообще-то, я не должна раскладывать документы в шкафу. У нас работает девушка, которая снимает копии со всех документов по недвижимости и должна поддерживать порядок в нашем архиве. Но она уехала на Майорку на две недели – и, судя по всему, уже давно не занималась архивом. Я обнаружила, что документы по жилым помещениям лежат вперемешку с бумагами по офисным зданиям, а договоры аренды – вперемешку с договорами купли-продажи. И допустила серьезную ошибку, сказав об этом.

«Ты бы навела там порядок, Зоуи», – буркнул Грехем. И вот, вместо того чтобы договариваться о просмотре жилья, я целый день простояла на сквозняке в коридоре под кабинетом Грехема, жалея, что вообще открыла рот. «Холлоу и Рид» – неплохое место работы. Раньше я приходила туда раз в неделю и вела бухгалтерию, но потом секретарша ушла в декрет и Грехем предложил мне ее подменить. Я бухгалтер, а не секретарша, но зарплата была отличная, а я в последнее время потеряла пару клиентов, поэтому ухватилась за этот шанс. Прошло три года – и я все еще работаю там.

К тому времени, как мы подъезжаем к станции «Канада Уотер», в вагоне уже не таклюдно и стоят только те, кому не хочется садиться. Мужчина рядом со мной так широко расставил ноги, что мне приходится сидеть вполоборота, и когда я смотрю на противоположные сиденья, то оказывается, что в этой же позе устроились еще двое мужчин. Интересно, они поступают так осознанно? Или какой-то инстинкт заставляет их занимать больше места, чтобы казаться крупнее остальных? Женщина передо мной передвигает пакет с продуктами, и я слышу звон винных бутылок. Надеюсь, Саймон не забыл поставить вино в холодильник: у меня выдалась долгая неделя, и прямо сейчас мне хочется улечься на диване и посмотреть телевизор.

Пару страниц «Лондон газетт» занимает интервью бывшего финалиста шоу «Х-Фактор» – он жалуется на «издержки славы». Еще одна страница посвящена обсуждению законов о неприкосновенности частной жизни. Я читаю, не вдумываясь, просматриваю фото и пробегаю взглядом заголовки, чтобы хоть как-то оставаться в курсе событий. Не помню, когда я в последний раз спокойно читала газету или смотрела новости от начала до конца. За завтраком я урывками смотрю новости на канале «Скай Ньюс», а по дороге на работу и домой читаю заголовки газет, иногда – заглядывая кому-нибудь через плечо, вот и все.

Электричка останавливается между станциями «Сайденхем» и «Кристал Пэлас». Я слышу, как в вагоне кто-то разочарованно вздыхает, но не поворачиваю голову. Снаружи уже темно, и когда я смотрю в окно, то вижу только собственное отражение – еще бледнее меня, искаженное дождем. Я снимаю очки и потираю переносицу. Мы слышим объявление, доносящееся из динамика, но звук настолько приглушен, что я не могу разобрать ни слова. Могло случиться все, что угодно: от сбоя сигнала до тела на путях.

Надеюсь, дело не в теле. Я думаю о бокале вина, о том, как лягу на диван и Саймон помассирует мне ноги... Но затем мне становится стыдно: почему я думаю о собственном

комфорте, а не о несчастном самоубийце? Впрочем, я уверена, дело не в трупe. Люди бросаются под поезд в понедельник утром, а не в пятницу вечером, когда до начала рабочей недели остается еще целых два с половиной благословенных дня.

Слышится треск, затем воцаряется тишина. Чем бы ни была вызвана остановка, мы застряли тут надолго.

– Плохо дело, – говорит мой сосед.

– Хм... – уклончиво отвечаю я.

Я пролистываю страницы газеты, но спорт меня не интересует, а кроме новостей спорта мне осталось просмотреть только объявления и театральные рецензии. Такими темпами я не доберусь домой раньше семи. Придется ограничиться легким ужином, а не жареной курицей, как я планировала. Саймон готовит на неделю, я же беру на себя эту задачу по выходным и вечером в пятницу. Саймон готовил бы всю неделю, если бы я его попросила, но разве я могу? Я не стану просить его готовить для нас – для моих детей – каждый день. Может, куплю что-нибудь готовое.

Экономические новости я пропускаю, смотрю на кроссворд, но у меня нет ручки. Поэтому я принимаюсь за объявления – может быть, сумею найти какую-нибудь работу для Кейти или для себя, раз уж на то пошло, хотя я знаю, что никогда не уволюсь из «Холлоу и Рид». Там хорошая зарплата, к тому же я знаю, что нужно делать, и если бы не мой начальник, работа была бы идеальной. Клиенты у нас очень приятные – в большинстве своем. В основном к нам обращаются новые компании, которые ищут офисные помещения, или бизнесмены, решившие расширить штат. Жилыми помещениями мы почти не занимаемся, но квартиры над магазинами нравятся и покупателям, и арендаторам, решившим снимать жилье небольшой площади. Я часто общаюсь с недавно разведенными клиентами. Иногда, если это кажется уместным, я говорю им, мол, я знаю, через что они сейчас проходят.

«И все завершилось хорошо?» – всегда спрашивают меня женщины.

«Это было лучшее решение в моей жизни», – уверенно отвечаю я. Именно это они хотят услышать.

Никаких вакансий, которые устроили бы девятнадцатилетнюю девушку, мечтающую стать актрисой, я не нахожу, но зато заворачиваю угол страницы с объявлением о вакансии секретарши. Всегда стоит знать, какие есть варианты. На мгновение я представляю себе, как вхожу в кабинет Грехема Холлоу и вручаю ему заявление об увольнении, говоря, что не намерена терпеть подобное обращение, не намерена больше мириться с тем, что он относится ко мне как к грязи. Но затем я вижу зарплату к этой вакансии и вспоминаю, сколько времени и усилий у меня ушло на поиск работы, которая позволяет оплачивать все необходимое. Из двух зол выбирай меньшее, верно?

Последние страницы газеты занимают иски о возмещении убытков и новости финансовой сферы. Я намеренно не читаю объявления о сдаче жилья – учитывая цены, нужно быть сумасшедшим или вконец отчаявшимся человеком, чтобы согласиться на такое. Мой взгляд падает вниз страницы, где рекламируют секс по телефону.

Замужняя женщина ищет пристойного собеседника. Отправьте сообщение с текстом «Ангел» на номер 69998 – и получите фотографии!

Я морщусь – меня смущают не так предлагаемые услуги, как цена за сообщение. Кто я

такая, чтобы осуждать других людей? Я уже собираюсь перевернуть страницу, смирившись с перспективой просмотра очерка о вчерашнем футбольном матче, когда вижу следующее объявление.

На мгновение я думаю, что просто переутомилась. Я прищуриваюсь, но от этого ничего не меняется.

Я настолько поглощена объявлением, что даже не замечаю, как поезд трогается с места. От резкого движения я покачиваюсь и инстинктивно выставляю перед собой ладонь, случайно касаясь ноги соседа.

– Ой, простите!

– Ничего страшного.

Он улыбается, и я заставляю себя улыбнуться в ответ.

Но мое сердце гулко бьется, и я пристально всматриваюсь в снимок. В объявлении приведено стандартное предупреждение, что звонки платные, – это предупреждение есть во всех таких объявлениях. Телефонный номер начинается с цифр 0809.^[1] Приведена и ссылка на веб-сайт: www.findtheone.com.^[2] Однако я смотрю только на фото: лицо крупным планом, но видны светлые волосы и бретельки черного топа. Женщина на снимке старше остальных, но фото настолько некачественное, что ее возраст определить нелегко.

Вот только я знаю, сколько ей лет. Я знаю, что ей уже исполнилось сорок.

Потому что женщина на фотографии – это я.

Келли Свифт стояла посередине вагона в подземке на Центральной линии, перенеся вес на одну ногу, чтобы не упасть во время поворота электрички. Несколько мальчишек лет четырнадцати-пятнадцати вошли в вагон на Бонд-стрит, стараясь перешеголять друг друга в знании бранных слов, столь контрастировавших с их выговором, характерным для среднего класса. Для внешкольных мероприятий было уже поздновато, да и на улице стемнело, поэтому Келли надеялась, что мальчишки едут домой, а не гулять. Не в их возрасте.

– Е**я бредятина! – Мальчишка осекся, заметив ее взгляд, его бравада мгновенно сменилась смущением.

Келли попыталась принять строгий вид, подражая своей матери, когда та сердилась, и подростки замолчали, залившись краской и отвернувшись, – теперь они усиленно притворялись, будто их интересуют наклеенные на закрывающуюся дверь объявления. Свифт с горечью подумала, что по возрасту могла бы быть их матерью – если бы она родила ребенка в шестнадцать лет, то сейчас воспитывала бы вот такого четырнадцатилетнего сорванца. У нескольких ее школьных друзей были дети такого возраста, и лента на «Фейсбуке» пестрела снимками гордых мамаш, а пара малышек даже отправили Келли запрос на добавление в друзья. Вот такой новый способ напомнить кому-то об ушедшей молодости.

Она встретилась взглядом с женщиной в красном пальто, сидевшей напротив, и та одобрительно кивнула, заметив, как ловко Келли пристыдила мальчишек.

Свифт улыбнулась в ответ:

– Хороший денек?

– С окончанием рабочего дня сразу стал лучше, – откликнулась женщина. – А вы как, готовитесь к выходным?

– Я работаю, у меня выходной только во вторник будет.

«Да и то один, а потом опять шесть дней подряд работать», – подумала Келли, от этой мысли невольно нахмурившись.

Женщина сочувственно смотрела на нее.

– Ну, кто-то же должен, верно?

– Наверное. – Женщина встала и направилась к выходу: электричка уже подъезжала к станции «Оксфорд Серкус». – Надеюсь, вам все-таки представится возможность отдохнуть.

«Хоть бы не сглазила», – подумала Келли, глядя на часы. До Стрэдфорта девять остановок. Бросить вещи, вернуться. Дома она будет часам к восьми, может, к половине девятого. Завтра на работу к семи утра. Келли зевнула, не прикрывая рта ладонью. Интересно, есть ли дома еда? Она снимала квартиру еще с тремя женщинами неподалеку от станции «Элефант-энд-Касл». Их фамилии она знала только по чекам за аренду, которые те прикрепляли кнопками к доске в прихожей в конце месяца, чтобы владелец дома забрал оплату. Гостиную в квартире хозяин дома тоже переоборудовал в комнату для аренды, чтобы увеличить количество жильцов, поэтому единственным местом, где все женщины могли встретиться, оказалась крохотная кухонька. Там стоял стол на двоих, но рабочие смены у соседок не совпадали, и Свифт могла не увидеть никого из жильцов квартиры в течение нескольких дней. В самой большой комнате жила медсестра по имени Доун, женщина чуть моложе Келли. Она любила готовить и иногда оставляла для Свифт рядом с микроволновкой тарелку со стряпней, украшенную ярко-розовым стикером с надписью «Угощайся!». При

мысли о еде у Келли заурчало в желудке, и она снова посмотрела на часы. Вечер выдался куда суматошнее, чем она рассчитывала, да и на следующей неделе придется поработать сверхурочно, иначе ничего толком не успеть.

На станции «Холборн» в вагон вошла небольшая компания мужчин, судя по всему, бизнесменов, и Свифт присмотрелась к ним внимательнее. На первый взгляд они выглядели совершенно одинаково: короткие стрижки, темные деловые костюмы, портфели. «Дьявол кроется в мелочах», – подумала Келли. Она высматривала тонкие полоски на брюках; название книги, небрежно засунутой в сумку; очки в проволочной оправе с изогнутыми дужками; часы на коричневом кожаном ремешке, выглядывающие из-под белоснежного рукава рубашки. Мелкие особенности стиля, едва заметные проявления невротизма – вот что выделяло их из толпы почти одинаковых мужчин. «Я просто тренируюсь», – говорила себе в таких случаях Келли. Она ничуть не смутилась, когда один из мужчин повернул голову и наткнулся на ее пристальный взгляд. Свифт подумала, что он отвернется, но вместо этого мужчина подмигнул ей, его губы растянулись в самоуверенной улыбке. Взгляд Келли метнулся к его левой руке. Обручальное кольцо. Белый, худощавый, ростом под метр восемьдесят, с тенью щетины на подбородке – наверняка всего пару часов назад ее еще не было. Желтое пятно забытого ярлыка из химчистки на воротнике пальто. Военная выправка – Свифт готова была побиться об заклад, что он отслужил в армии. Не очень примечательная внешность, но Келли узнает его, если они встретятся вновь.

Удовлетворив свое любопытство, Свифт переключила внимание на новых пассажиров, вошедших на станции «Банк» и теперь пробирающихся по вагону в поисках свободных мест. Почти у всех были телефоны в руке: кто-то играл, кто-то слушал музыку, а кто-то просто сжимал мобильный, точно тот прилип к ладони. На другом конце вагона кто-то поднял смартфон, и Келли инстинктивно отвернулась. Она понимала, что это просто туристы делают типичный снимок лондонской подземки, чтобы показать друзьям по приезде. Но сама идея, что она может случайно оказаться на чьих-то фотографиях из отпуска, казалась Свифт слишком странной, чтобы соглашаться на такое.

Ушибленное плечо ныло – сегодня Келли ударилась о стену, неудачно свернув за угол, когда сбежала по эскалатору и выскочила на платформу станции «Марбл Арч». Она опоздала всего на пару секунд и теперь досадовала, что этот огромный синяк на левом предплечье и бегодня – все оказалось впустую. Ничего, в следующий раз будет проворнее.

Электричка остановилась на станции «Ливерпуль-стрит», и у еще не открывшейся двери вагона сгрудилась толпа народу.

Сердце Келли забилось чаще.

В самом центре толпы, едва узнаваемый в джинсах не по размеру, куртке с капюшоном и бейсболке, стоял Карл. Келли сразу увидела его и – невзирая на отчаянное желание поскорее добраться домой – поняла, что ей не отвертеться.

Судя по тому, как он пытался слиться с толпой, Карл увидел Келли за мгновение до того, как она заметила его, и тоже был не очень-то рад встрече. Нужно было действовать быстро.

Она выскочила из вагона, когда двери уже закрывались. Вначале Келли показалось, что она его потеряла, но затем она заметила его бейсболку ярдах в девяти впереди – Карл не бежал, он ловко маневрировал в толпе пассажиров, покидавших платформу.

Если Келли чему-то и научилась за последние десять лет в подземке, так это тому, что вежливостью делу не поможешь.

– Осторожно! – завопила она, протиснувшись между двумя пожилыми туристами с

чемоданами и переходя на бег. – Пропустите!

Может быть, сегодня утром она его и упустила, заработав синяк на плече, но второй раз ему от нее не уйти. Свифт мельком подумала об ужине, который дожидается ее дома. Эта эскапада продлит ей рабочий день еще часа на два. Но что поделаешь, долг есть долг. А по дороге домой всегда можно купить кебаб.

Карл поднимался со станции на эскалаторе. Келли знала, что это типичная ошибка новичка, в такой ситуации стоит пользоваться лестницей. Там не так много людей и легче бежать, чем по движущимся ступеням. Но когда Келли поравнялась с Карлом, ноги уже сводило болью от напряжения. Добравшись до верха эскалатора, он оглянулся через левое плечо и свернул направо. «Черт бы тебя побрал, Карл! – подумала Келли. – Я вообще-то уже смену должна была сдавать».

Последний рывок – и Свифт догнала его у билетного терминала, схватила за куртку и заломила ему руку. Карл пытался вырваться и сбил с нее фуражку. Келли боковым зрением заметила, что фуражку кто-то поднял, и надеялась, что этот человек не сбежит. У нее и так уже были неприятности с отделом снабжения – на прошлой неделе она потеряла дубинку в потасовке и теперь не собиралась в очередной раз выслушивать нравоучения.

– У меня ордер на твой арест за неявку в суд, – запыхавшись, выдавила Свифт. В полицейском жилете было нелегко сделать глубокий вдох. Сняв с пояса наручники, она защелкнула их на запястьях Карла. – Попался, приятель.

* * *

Я тебя вижу. Но ты не видишь меня. Ты поглощена книгой. На обложке – девушка в алом платье. Я не вижу названия книги, но это не важно. Они все об одном и том же. Парень встречается девушку. Или парень преследует девушку. Парень убивает девушку.

Я усматриваю в этом некоторую иронию.

На следующей остановке в вагон входит толпа пассажиров – отличный повод подобраться к тебе поближе. Ты держишься за поручень в центре вагона, другой рукой сжимая книгу и ловко переворачивая страницы большим пальцем. Мы так близки сейчас, что наши плащи соприкасаются и я чувствую ванильный аромат твоих духов. К тому времени, как ты уходишь с работы, запах успевает выветриться. Некоторые женщины прячутся в туалете во время обеденного перерыва, подправляют макияж, обновляют духи. Но не ты. После работы серая подводка уже размазывается, сливаясь с темными кругами под глазами, кругами от усталости. После работы вся помада уже осталась на бесчисленных стаканчиках кофе.

Но даже в конце долгого рабочего дня ты прекрасна. А это что-то да значит. Правда, дело не всегда в красоте. Иногда важна экзотичность стиля, большая грудь, длинные ноги. Иногда – элегантность, сшитые под заказ костюмы, сапожки на высоких каблуках. Иногда – вульгарная, дешевая одежда. Как у шлюхи. Важно разнообразие. Даже самый вкусный стейк приедается, если ужинать им каждый день.

У тебя большая сумка. Обычно ты носишь ее на плече, но когда в вагоне людно – как бывает, когда ты едешь с работы, – ты ставишь ее на пол, между ног. Сумка приоткрыта, и я могу заглянуть внутрь. Там лежит кошелек – бежевый кожаный кошелек с золотистой застежкой. Расческа с застрявшими между зубцов светлыми волосками. Аккуратно

свернутый пакет для покупок. Пара кожаных перчаток. Два или три коричневых конверта – ты вскрыла их, прочла содержимое, а потом сунула в сумку. Письма тебе оставляют на коврике перед дверью, ты читаешь их на платформе, когда ждешь электричку. Я вытягиваю шею и вижу, что написано на верхнем конверте.

Теперь я знаю твое имя.

Едва ли это имеет какое-то значение – в наших с тобой отношениях имена не будут важны.

Я достаю телефон, включаю фотоприложение, поворачиваюсь к тебе, большим и указательным пальцем настраиваю кадр, чтобы на снимке было только твое лицо. Если кто-то обратит на меня внимание, то подумает, что я загружаю в «Инстаграм» или «Твиттер» свой снимок по дороге на работу. Хэштег «селфи».

Тихий щелчок – и ты моя.

Поезд поворачивает, а ты отпускаешь поручень и тянешься за сумкой, все еще не отрываясь от книги. Если бы я не знал тебя, я бы подумал, что ты заметила мой взгляд и теперь хочешь застегнуть сумку, чтобы я не увидел лишнего. Но дело не в этом. Поезд поворачивает – значит, тебе сейчас выходить.

Тебе нравится эта книга. Обычно ты прекращаешь читать куда раньше – дочитываешь до конца главы и суешь в книгу открытку, которой пользуешься вместо закладки. Но сегодня ты все еще читаешь, когда поезд останавливается на станции. Ты все еще читаешь, шагая по платформе, временами поглядывая вокруг, чтобы ни на кого не наткнуться.

Ты все еще читаешь.

Я все еще слежу за тобой.

«Кристал Пэлас» – конечная. Если бы электричка не остановилась, я бы по-прежнему сидела в вагоне, всматриваясь в объявление и пытаюсь понять, что же происходит. Я выхожу из вагона последней.

Дождь сменился мелкой моросью, но едва я вышла со станции, как газета в моих руках размокла, оставляя следы краски у меня на пальцах. Уже стемнело, но я все вижу, ведь горят фонари и на Энерли-роуд светятся сотни неоновых вывесок: тут полно кафешек и магазинов мобильных телефонов. С каждого фонаря свешиваются аляповатые гирлянды – город готовится к началу предрождественской ярмарки, на открытие которой на эти выходные соберутся всякие третьесортные актеришки – но еще слишком тепло, да и слишком рано, чтобы думать о Рождестве.

Я смотрю на объявление по дороге домой, не обращая внимания на стекающие с челки капли дождя. Может быть, это вообще не мой снимок. Может, у меня есть двойник. Едва ли бы меня выбрали, чтобы рекламировать секс по телефону, – я полагаю, что стоило бы разместить в газете фото кого-то помоложе и попривлекательнее. А вовсе не снимок женщины среднего возраста с двумя взрослыми детьми и следами былой красоты. При этой мысли я едва сдерживаю смех. Я знаю, что вкусы у всех разные, но стоит ли ориентироваться на такой узкий сегмент рынка?

Между польским супермаркетом и мастерской по изготовлению ключей находится кафе Мелиссы. Одно из ее кафе, напоминаю я себе. Второе – на боковой улочке в районе Ковент-Гарден, и завсегдатаи звонят туда и заказывают обед заранее, чтобы не стоять в очереди, а туристы мнутя у двери, раздумывая, не отведать ли здесь панини. Может показаться, что кафе в Ковент-Гардене должно приносить огромный доход, но аренда там настолько высокая, что за пять лет Мелиссе едва удавалось получить хоть какую-то прибыль. А вот здешнее кафе, с его облупившимися стенами и пренеприятнейшими соседями, оказалось настоящей золотой жилой. Оно существовало здесь задолго до того, как Мелисса его выкупила и повесила над дверью вывеску со своим именем, и всегда приносило деньги – это одно из тех «мест для посвященных», которые иногда упоминаются в городских путеводителях. «Лучшие завтраки в Южном Лондоне», – гласит заголовок статьи, прикрепленной скотчем к двери.

Я некоторое время стою на противоположной стороне дороги – так я могу заглянуть внутрь, оставаясь незамеченной. Стекла запотели по краям, и окна напоминают снимок с нерезким фокусом в стиле 1980-х. За стойкой в центре парень протирает плексигласовую поверхность. На нем передник, сложенный пополам, а не завязанный на шее – в стиле парижских официантов. Черная футболка, темные взъерошенные волосы – он выглядит слишком модно, чтобы работать в кафе. Красавчик? Да, я не могу относиться к нему без предубеждения, я знаю, но все равно мне кажется, что это так.

Я перехожу дорогу, высматривая машины. Водитель автобуса машет мне рукой, пропуская. Над дверью кафе звякает колокольчик, и Джастин поднимает голову.

– Привет, мам.

– Привет. – Я оглядываюсь в поисках Мелиссы. – Ты один?

– Мелисса в Ковент-Гардене. Менеджер заболела, и она оставила меня тут за всем присматривать.

Он говорит это будто невзначай, поэтому я стараюсь скрыть гордость. Я всегда знала, что Джастин – хороший мальчик, ему просто нужно было немного помочь.

– Подождешь меня минут пять? – спрашивает он, прополаскивая тряпку в рукомойнике за стойкой. – Тогда мы сможем вместе пойти домой.

– Я хотела купить что-нибудь на ужин. А ты печь уже выключил, да?

– Только что выключил. Но я могу быстренько приготовить картошку. И сосиски остались. Если их сегодня не съесть, то завтра все равно придется выбросить. Мелисса не будет против, если мы их заберем.

– Я заплачú. – Я не хочу, чтобы Джастин забылся только из-за того, что ему поручили такую ответственную работу.

– Мелисса не будет против.

– Я заплачú, – упрямо повторяю я, доставая кошелек.

Я смотрю на доску меню и высчитываю цену за четыре сосиски и картошку фри. Джастин прав в том, что Мелисса отдала бы нам еду просто так, если бы была здесь. Но ее здесь нет. А в нашей семье привыкли за все платить.

Мы удаляемся от станции. Магазины и кафе постепенно сменяются стоящими вплотную друг к другу домиками, с десятков на каждой стороне улицы, стенка к стенке. В некоторых окна закрыты серыми металлическими ставнями – значит, эти дома банк изъял за неуплату ипотеки. Двери таких домов разукрашены красными и оранжевыми кляксами граффити. Наша улица мало чем отличается – с дома неподалеку от нашего обвалилась плитка, окна забиты толстой фанерой. А еще всегда можно понять, в каком доме живут владельцы, а какой просто арендуют, – по забитым водостокам и облупившейся краске на стенах. В конце нашей улицы – два частных дома, Мелиссы и Нейла, в конце рядовой застройки, и мой, прямо перед ним.

Джастин роется в рюкзаке в поисках ключей, а я останавливаюсь на тротуаре перед оградкой, окружающей наш, с позволения сказать, сад. Сквозь влажную от дождя гравийную дорожку, ведущую к двери, пробиваются сорняки. Единственное украшение сада – лампа на солнечной батарее, стилизованная под старомодный светильник и источающая слабый желтый свет. В саду Мелиссы тоже есть гравийная дорожка, но сорняков нигде не видно, а по обе стороны от двери растут два ухоженных самшитовых дерева, подстриженных в форме спирали. Под окном гостиной краска на стене чуть светлее – тут Нейл оттирал граффити, оставленное каким-то местным остолопом. Подумать только, в Южном Лондоне еще находятся люди, недовольные смешанными браками.

В нашей гостиной никто не потрудился задернуть шторы, и я вижу, что Кейти сидит за обеденным столом и красит ногти. Раньше я настаивала, чтобы мы непременно обедали и ужинали все вместе. Мне нравилось расспрашивать детей о том, как у них дела в школе. Когда мы только переехали сюда, лишь во время таких обедов и ужинов я чувствовала, что мы прекрасно справляемся без Мэтта: вот такая у нас семья из трех человек, мы все вместе в шесть вечера садимся ужинать...

Сквозь оконное стекло, покрытое вечным слоем пыли от машин на дороге, я вижу, что Кейти расчистила место для маникюрного набора, сдвинув на край журналы, стопку счетов и корзину с грязным бельем, почему-то постоянно оказывавшуюся именно на столе. Время от времени я все убираю, чтобы мы могли пообедать вместе в воскресенье, но уже скоро мутная волна бумажек и позабытых целлофановых пакетов отбрасывает нас обратно на диван

перед телевизором, где мы едим, поставив тарелки на колени.

Джастин открывает дверь, а я вспоминаю времена, когда дети были маленькими. Джастин и Кейти бежали ко мне всякий раз, когда я возвращалась домой, будто я уезжала на пару месяцев, а вовсе не уходила на восемь часов в «Теско» раскладывать товары по полкам. Когда они подросли, я заходила за ними к Мелиссе, благодаря соседку за то, что посидела с малышами, – они говорили, что, мол, уже слишком взрослые, чтобы за ними приглядывать, но втайне им нравилось проводить время у Мелиссы.

– Ау! – зову я.

Саймон выходит из кухни с вином. Вручив мне бокал, он целует меня в губы, прижимая к себе. Его ладонь скользит по моей талии. Я вручаю ему пакет с едой из кафе Мелиссы.

– Эй, может, вы бы уединились, а? – Кейти выходит из гостиной, выставив вперед ладони и помахивая пальцами, чтобы лак быстрее высох. – Что у нас на ужин?

Саймон отпускает меня и несет пакет в кухню.

– Сосиски с картошкой.

Кейти морщится, но я осаживаю ее, прежде чем она начнет ныть о переизбытке калорий.

– В холодильнике есть латук, можешь приготовить себе салат к сосискам и картошке.

– От этого лодыжки у тебя меньше не станут, – замечает Джастин.

Кейти шлепает его по руке, и Джастин, увернувшись от очередного удара, спасается бегством на лестнице, перепрыгивая через две ступеньки зараз.

– Когда же вы повзрослеете!

Кейти девятнадцать лет, она носит одежду восьмого размера,^[3] и если пару лет назад она еще была упитанной, то теперь от былой полноты не осталось и следа. И с лодыжками у нее все в порядке. Я хочу обнять дочь, но вспоминаю о ее покрашенных ногтях и просто целую в щеку.

– Прости, родная, я сегодня так на работе устала, нет сил готовить. Одна порция картошки с сосисками тебе не повредит – главное не объедаться, верно?

– Как прошел день, солнышко? – Саймон проходит за мной в гостиную, и я шлепаюсь на диван, блаженно жмурясь и вздыхая. Постепенно мое тело расслабляется.

– Нормально. Вот только Грехем заставил меня наводить порядок в архиве.

– Это не твоя работа! – возмущается Кейти.

– Убирать туалет – тоже не моя работа, но угадай, чем он заставил меня вчера заниматься?

– Ох, этот тип такой козел...

– Ты не должна с этим мириться. – Саймон усаживается на диван рядом со мной. – Нужно кому-то пожаловаться.

– Кому? Это его фирма.

Грехем Холлоу из тех людей, которые обожают повышать свою самооценку за чужой счет. Я это знаю, поэтому его придирки меня не тревожат. Как правило.

Чтобы сменить тему, я беру «Лондон газетт» с журнального столика, куда ее бросила. Газета все еще влажная, часть надписей поплыла, но я разворачиваю ее так, что можно разглядеть объявления об эскорт-услугах и сексе по телефону.

– Мам, зачем тебе эскорт? – смеется Кейти.

Нанеся на ногти последний слой лака, она завинчивает крышечку и, вернувшись к столу, подставляет руки под ультрафиолетовую лампу, чтобы лак схватился.

– Может, она решила поменять Саймона на кого-нибудь помоложе, – говорит Джастин, входя в гостиную.

Он переоделся, сменив черную футболку и джинсы, которые носит на работу, на домашний свитер и серые тренировочные штаны. Ноги босые, в одной руке – телефон, во второй – тарелка с сосисками и картошкой.

– Не смешно, – ворчит Саймон. – Но правда, зачем тебе эти объявления?

Помрачнев, он хмурит брови и берет у меня газету. Я возмущенно смотрю на Джастина. Саймон на четырнадцать лет старше меня, хотя иногда я смотрю в зеркало и думаю, что такими темпами я его скоро догоню. У моих глаз пролегли морщинки – до сорока лет такого не было. Да и на шее кожа уже начала обвисать. У меня никогда не было проблем с нашей разницей в возрасте, но Саймон достаточно часто об этом упоминает, и я знаю, что она его тревожит. Джастин об этом знает и не упустит возможности насыпать Саймону соль на рану. Не знаю, пытается ли он этим досадить Саймону или мне.

– Тебе не кажется, что женщина на этом снимке похожа на меня?

Я показываю на объявление внизу страницы, под предложением услуг «замужней женщины» с псевдонимом Ангел. Джастин заглядывает Саймону через плечо, и даже Кейти отходит от УФ-лампы, чтобы посмотреть. Какое-то время мы все молча взираем на фотографию.

– Нет, – говорит Джастин.

– Немного, – одновременно с ним произносит Кейти.

– Ты же носишь очки, мам.

– Не всегда, – напоминаю я. – Иногда я надеваю контактные линзы.

Правда, не помню, когда я делала это в последний раз. Мне никогда не мешали очки, и мне нравится моя теперешняя оправа, черная и массивная, она придает мне серьезный вид. Такие очки пошли бы прилежной школьнице – впрочем, в школе я особым прилежанием не отличалась.

– Может быть, кто-то решил тебя разыграть, – говорит Саймон. – Тут ссылка на сайт под названием «Найдите Ту Самую». Как думаешь, может, кто-то зарегистрировал тебя на сайте знакомств шутки ради?

– Но зачем кому-то так поступать?

Я смотрю на детей: не переглянутся ли? Но Кейти выглядит такой же растерянной, как и я, а Джастин невозмутимо жует картошку.

– Ты звонила по этому номеру?

– За полтора фунта в минуту? Шутишь?

– Это ты? – ухмыляется Кейти. – Может, подзаработать немного решила? Ну же, мам, ты можешь нам сказать!

Чувство тревоги, сковывавшее меня с того самого момента, как я увидела это объявление, постепенно отступает.

– Не знаю, кто захочет платить полтора фунта в минуту за разговор со мной, родная, – смеюсь я. – Но женщина на снимке действительно на меня похожа, правда? Я даже немного испугалась.

Саймон, пожав плечами, достает из кармана мобильный телефон.

– Могу поспорить, это кто-то приготовил для тебя розыгрыш ко дню рождения. – Он переключает телефон на громкую связь и набирает номер.

Смех да и только: мы все смотрим на объявление в «Лондон газетт» и звоним на номер

секса по телефону!

– Набранный вами номер больше не обслуживается.

Я понимаю, что все это время задерживала дыхание.

– Ну, вот и все. – Саймон вручает мне газету.

– Но почему там моя фотография? – не сдаюсь я.

Мой день рождения еще не скоро, и я даже представить себе не могу, кто счел бы смешным розыгрышем мою регистрацию на сайте знакомств. Наверное, это сделал кто-то, кому не нравится Саймон. Кто-то, кто хочет нас поссорить. Мэтт? Я отбрасываю эту мысль, едва она появляется в моей голове.

Я инстинктивно сжимаю плечо Саймона, хотя он и не подает виду, что обеспокоен объявлением.

– Мам, да она ни капельки на тебя не похожа. Какая-то старая перечница, – говорит Джастин.

Наверное, в его словах скрыт комплимент.

– Джас прав, мам. – Кейти внимательно всматривается в объявление. – Эта женщина действительно чуть-чуть на тебя похожа, но в мире много похожих людей. У нас девчонка одна на работе – вылитая Адель.^[4]

– Наверное... – Я в последний раз смотрю на снимок.

Женщина на фотографии смотрит не прямо в камеру, и у снимка такое маленькое разрешение, что я не понимаю, зачем его вообще использовали в рекламном объявлении.

– Выброси ее в мусорное ведро, родная, и принеси ужин остальным. – Я передаю газету Кейти.

– Мои ногти! – возмущается она.

– Мои ноги! – парирую я.

– Я сам принесу.

Джастин ставит тарелку на журнальный столик и встает с дивана.

Мы с Саймоном изумленно переглядываемся, а Джастин закатывает глаза.

– Что? Можно подумать, я по дому ничего не делаю.

– Ты это к чему? – фыркает Саймон.

– Ой, иди ты! Если что-то не нравится, можешь сам себе тарелку взять!

– А ну-ка прекратите оба! – рявкаю я. – Господи, иногда не отличить, кто тут ребенок, а кто родитель.

– Но в том-то и дело, что он мне... – начинает Джастин, но осекается, заметив мое выражение лица.

Мы ужинаем на диване перед телевизором, пререкаясь из-за пульта, и я ловлю взгляд Саймона. Он подмигивает мне – мгновение близости среди хаоса жизни с двумя взрослыми детьми.

Вскоре на тарелках остается только слой жира. Кейти идет в коридор и надевает пальто.

– Ты куда-то идешь в такое время? – говорю я. – Уже девять часов.

– Вечер пятницы, мам! – Кейти возмущенно смотрит на меня.

– И куда же ты?

– Гулять в центр. – Она видит выражение моего лица. – Мы с Софией на такси поедem. После вечерних смен я все равно не раньше домой возвращаюсь, так какая разница?

Мне хочется сказать, что разница есть. Кейти подрабатывает официанткой и после смены возвращается домой в черной юбке и белой блузке – куда менее вызывающем наряде,

чем облегчающее платье, которое на ней сейчас надето. И на работу Кейти носит хвостик, отчего кажется юной и невинной, а сегодня она распустила и взъерошила волосы, что делает ее сексуальнее. Мне хочется сказать, что она слишком сильно накрасилась, каблуки у нее слишком высокие, а ногти – слишком яркие.

Но я молчу, естественно. Когда-то мне тоже было девятнадцать, к тому же я уже давно воспитываю детей и знаю, когда не стоит озвучивать свои мысли.

– Хорошего тебе вечера. – И все же я не могу сдержаться: – Будь осторожна. Не отходи от своей компании. И не пей много.

Кейти целует меня в лоб и поворачивается к Саймону.

– Замолвишь за меня словечко, ладно? – Она указывает на меня, но при этом улыбается и подмигивает мне, направляясь к двери. – Ведите себя пристойно! – кричит она напоследок. – А если не можете вести себя пристойно – хотя бы не буяньте!

– Ничего не могу с собой поделать, – говорю я, когда Кейти уходит. – Я за нее волнуюсь.

– Я знаю, но она у нас девушка рассудительная. – Саймон сжимает мое колено. – Вся в мамочку. – Он смотрит на Джастина, который, развалившись на диване, уткнулся в смартфон. – А ты гулять не идешь?

– Денег нет.

Он неотрывно смотрит на экран, и я замечаю голубые квадратики сообщений, но текст слишком мелкий, и я не могу разобрать, с кем он переписывается. Между свитером и штанами видна красная полоска трусов, капюшон свитера поднят, хотя мы не на улице.

– Разве Мелисса не платит тебе по пятницам?

– Она сказала, что занесет деньги на выходных.

Джастин помогает Мелиссе в кафе с начала лета, и я почти распрощалась с надеждой на то, что он найдет другую работу. Он ходил на пару собеседований – в обувной магазин и в магазин музыкальных дисков, – но стоило хозяевам узнать, что у него есть привод в полицию за мелкое воровство, как на этом все заканчивалось.

«Это можно понять, – сказал тогда Саймон. – Ни один наниматель не рискнет взять на работу человека, который может запустить руку в кассу».

«Но ему было четырнадцать! – вступилась я за сына. – Его родители только что развелись, и ему пришлось сменить школу. Он же не уголовник-рецидивист!»

«Все равно».

И я перестала спорить. Мне не хотелось ссориться с Саймоном. По документам нанять Джастина было нельзя, но стоило только познакомиться с ним... И я обратилась за помощью к Мелиссе.

«Он мог бы развозить заказы, – предложила я. – Или раздавать рекламные листовки. Что угодно».

Джастин никогда не любил учиться. В младшей школе он не любил читать – даже алфавит выучил, только когда ему исполнилось уже восемь лет. Чем старше он становился, тем сложнее мне было уговорить его пойти в школу. Играть на улице или гулять по торговому центру ему нравилось куда больше, чем сидеть в классе. Школу он бросил, получив аттестат о неполном среднем образовании. Отличные оценки у него были только по информатике. К этому времени Джастина уже поймали на мелкой краже в магазине. В какой-то момент учителя поняли, что он страдает дислексией, но предпринимать что-либо по этому поводу было уже поздно.

Мелисса задумчиво посмотрела на меня, и я подумала, не переступила ли я границы

нашей дружбы, не поставила ли ее в неловкое положение.

«Я возьму его к себе в кафе».

Я потеряла дар речи. Просто сказать «спасибо» казалось недостаточным.

«Буду платить ему минимальную зарплату, – поспешно добавила Мелисса. – И первое время он будет на испытательном сроке. Работа с понедельника по пятницу, утренние и вечерние смены чередуются. Иногда ему придется подменять меня на выходных».

«Я твоя должница», – пробормотала я.

«Ну а для чего еще нужны друзья?» – отмахнулась Мелисса.

– Полагаю, теперь, когда ты получаешь зарплату, ты можешь давать маме деньги на жилье, – говорит Саймон.

Я возмущенно смотрю на него. Саймон никогда не вмешивается в воспитание детей. Нам даже не пришлось говорить об этом – когда я встретила Саймона, Джастину было восемнадцать, а Кейти четырнадцать. Они фактически были уже взрослыми, пусть иногда и вели себя как дети. Им не нужен был новый папа, и Саймон, к счастью, не пытался им стать.

– Ты не просишь денег у Кейти.

– Она моложе тебя. Тебе уже двадцать два, Джастин, пришло время самому о себе заботиться.

Джастин рывком вскакивает с дивана:

– Ну ты и нахал! Может, сам начнешь давать деньги на дом, прежде чем говорить мне, что делать?

Просто ужас какой-то! Двое моих близких готовы вцепиться друг другу в глотку.

– Джастин, не смей так говорить с Саймоном. – Я не хотела принимать чью-то сторону, но стоило мне открыть рот, как я увидела боль в глазах Джастина, будто предала его. – Он просто предложил. Я не прошу тебя давать мне деньги.

И никогда не попрошу. Плевать, что большинство людей сочтет это неправильным. Меня не переубедить. Даже если бы я брала с Джастина за еду и жилье минимальную плату, у него все равно почти ничего не оставалось бы. Как он может при таких обстоятельствах устраивать свою жизнь, не говоря уже о том, чтобы что-то откладывать на будущее? Я была моложе Кейти, когда ушла из дома с одной-единственной сумкой, ребенком под сердцем и упреками родителей, звенящими в ушах. Я хочу лучшего для своих детей.

Но Саймон не унимается:

– Ты ищешь работу? Кафе – это, конечно, хорошо, но если ты хочешь купить машину и снять квартиру, тебе нужно зарабатывать больше, чем Мелисса может платить.

Не понимаю, что на него нашло. Нас нельзя назвать богачами, но мы держимся на плаву. Мне не нужно брать деньги у детей.

– Папа сказал, что одолжит мне денег на покупку машины, когда я сдам на права.

Я чувствую, как Саймон вздрагивает – как и каждый раз, когда кто-то упоминает Мэтта. Иногда такая его реакция меня раздражает, но куда чаще я ощущаю прилив нежности. Вряд ли Мэтт когда-нибудь мог предположить, что кто-то еще сочтет меня привлекательной. Мне нравится, что Саймон любит меня настолько, что даже ревнует.

– Папа молодец, – быстро добавляю я. Мне хочется поддержать Джастина, сказать хоть что-то, чтобы он не расстраивался. – Может, ты сдал бы экзамен на получение лицензии таксиста.

– Я не собираюсь всю жизнь развозить клиентов на такси, мам.

Мы с Джастином были так близки, когда он был маленьким, но он так и не простил мне того, что я бросила Мэтта. Наверное, если бы он знал всю историю, то принял бы мою сторону, но я не хотела, чтобы дети плохо думали об отце. Не хотела, чтобы им было так же больно, как мне.

Женщина, с которой переспал Мэтт, по возрасту находилась ровно посередине между мной и Кейти. Странно, как такие мелочи остаются в памяти. Я никогда ее не видела, но когда-то изводила себя мыслями о том, как она выглядит. Мыслями о том, как ладонь моего мужа скользит по бедру двадцатитрехлетней девчонки, бедру без следа растяжек.

– Богатому – как хочется, а бедному – как может, – возражает Саймон. – Это хорошая работа.

Я удивленно смотрю на него. В прошлом он не раз критиковал Мэтта за нехватку амбиций. Я чувствую нарастающее раздражение оттого, что сейчас Саймон уговаривает моего сына устроиться на работу, которую когда-то сам называл бесперспективной. Мэтт учился в колледже на инженера, но все изменилось в одночасье, когда я поняла, что у меня задержка и это может означать только одно. Мэтт бросил учебу и в тот же день устроился на местную стройку. Работа была тяжелая, но платили неплохо. Мы поженились, Мэтт получил лицензию таксиста, и родители подарили ему деньги на первое такси – вот такой свадебный подарок.

– Работа в кафе хороша до поры до времени, – говорю я. – А там, глядишь, и что-то получше подвернется, я уверена.

Джастин, хмыкнув, выходит из комнаты. Он поднимается на второй этаж, и я слышу, как скрипит его кровать, – наверняка он устроился в привычной позе, на спине, чуть приподняв голову, чтобы видеть экран ноутбука.

– Такими темпами он будет жить здесь, и когда ему исполнится тридцать.

– Я просто хочу, чтобы он был счастлив, вот и все.

– Он счастлив, – отвечает Саймон. – Счастлив за твой счет.

Я держу язык за зубами. То, о чем я думаю, несправедливо. Это я сказала, чтобы Саймон не отдавал мне арендную плату. Мы даже немного поспорили по этому поводу, но я не пошла на попятный. Мы делим расходы на еду и коммунальные услуги, и Саймон постоянно балует меня походами в кафе и путешествиями – как и детей. Он щедрый человек. У нас есть общий банковский счет, и мы никогда не задумываемся о том, кто за что платит.

Но дом принадлежит только мне.

После нашей с Мэттом свадьбы с деньгами приходилось нелегко. Он работал по ночам, я обслуживала покупателей в «Теско» с восьми до четырех, и мы едва сводили концы с концами, пока Джастин не пошел в школу. К тому моменту, когда родилась Кейти, стало уже легче, у Мэтта было много заказов, и постепенно мы начали позволять себе кое-какие излишки: походы в ресторан время от времени, летний отпуск...

Когда мы с Мэттом расстались, мне пришлось все начинать сначала. Ни он, ни я не могли купить собственное жилье, и прошло много лет, прежде чем я внесла залог за этот дом. Я поклялась, что больше никогда не буду вести общее хозяйство с мужчиной.

С другой стороны, я поклялась, что больше никогда никого не полюблю. И вот что из этого вышло.

Саймон целует меня, придерживая ладонью мой подбородок. Его пальцы скользят к моему затылку. Даже сейчас, в конце рабочего дня, от него пахнет свежестью – пеной для

бритья и лосьоном. Я чувствую, как привычное тепло разливается по телу, когда Саймон захватывает прядь моих волос и чуть отводит мою голову в сторону, чтобы поцеловать меня в шею.

– Ляжем спать пораньше? – шепчет он.

– Сейчас поднимусь.

Я собираю тарелки и несу в кухню, в посудомоечную машину, прихватив с собой и «Лондон газетт». Газету я бросаю в мусорное ведро. Женщина со снимка смотрит на меня. Я выключаю свет, качая головой и удивляясь собственной глупости. Конечно, это не моя фотография. Как моя фотография могла оказаться в газете?

Келли стянула с запястья резинку и собрала волосы в хвост. Они еще не отросли – в августе две недели стояла невыносимая жара, и Свифт показалось отличной идеей сделать короткую стрижку, о чем она сразу пожалела: еще со студенческих лет она носила длинные, до талии, волосы. Две темные прядки сразу выбились из-под резинки. У Келли ушло два часа на оформление документов на Карла Бейлисса – оказалось, что его разыскивают не только из-за того, что он не явился в суд, были еще и ордера на его арест за пару краж. Келли зевнула. Есть уже почти не хотелось, хотя она и заглянула в кухню, вернувшись домой, – так, на всякий случай. Ничего. Стоило все-таки купить кебаб. Приготовив горячих бутербродов, Свифт пошла в свою комнату – большую, просторную, с высокими потолками. Комната находилась на первом этаже, и над рейкой на стенах была выкрашена в белый. Стену под рейками Келли сама покрасила в светло-серый, а потертое ковровое покрытие прикрыла двумя огромными коврами, купленными на распродаже. Все остальное – кровать, стол, красное кресло, где она устроилась с бутербродами, – Свифт купила в «ИКЕА», и современный стиль контрастировал с вычурным эркерным окном, рядом с которым она спала.

Келли пролистнула «Метро» – газету, купленную по дороге домой. Большинство коллег Свифт никогда не читали местных газет: «Хватит нам того, что мы этих ублюдков на работе видим, не хочется и дома о них читать». Но Келли было любопытно. Она с неизменным интересом просматривала новостные порталы в Интернете, а когда навещала родителей, переехавших после выхода на пенсию из Лондона в Кент, обязательно приобретала выходящую в графстве газету, умиляясь открытым письмам местным властям и жалобам на мусор и возмутительную халатность владельцев собак.

Нужная ей статья была на пятой странице – целый разворот, озаглавленный «Взлет преступности в метро»:

В связи с участвовавшими случаями сексуальных домогательств, нападений и краж в метро городские власти иницируют разбирательство по вопросу роста преступности в городском транспорте.

В начале статьи приводилась пугающая статистика – почитав такое, больше в метро ездить не захочешь, подумалось Келли. Были там и примеры, иллюстрировавшие наиболее типичные для лондонского метро преступления. Отрывок, посвященный нападению, сопровождался снимком молодого человека с характерным символом, выбритым на виске. Правый глаз подростка заплыл, отчего лицо казалось изуродованным.

«Нападение на Кайла Метьюса было жестоким и ничем не спровоцированным», – гласила подпись под фотографией.

«Ну да, как бы не так», – подумала Свифт. Конечно, она не знала Кайла, но выбритый у него на виске символ был ей знаком, и едва ли о человеке с такой символикой можно сказать, что он никого не провоцирует. Впрочем, на него, как и на всех, распространяется презумпция невиновности.

Снимок, иллюстрировавший отрывок статьи о сексуальных домогательствах, был размытым, на нем едва угадывался женский профиль. «Архивная фотография. Все имена

изменены», – предупредил автор статьи.

Невольно Келли вспомнила другую газетную статью: другой город, другая женщина, та же подпись под фото.

Она тяжело сглотнула и перешла к последнему примеру, с улыбкой глядя на выражение лица женщины на фотографии.

«Вы ведь не заставите меня изображать огорчение в стиле снимков в “Дейли мейл”?» – спросила тогда фотографа Кэтрин Таннинг.

«Конечно нет, – весело откликнулся он. – Я попрошу вас изображать огорчение в стиле снимков в газете “Метро”, огорчение с нотками возмущения. Поставьте сумку на колени и сделайте вид, будто вы только что застучали мужа в постели с уборщицей».

Представитель пресс-службы Британской транспортной полиции не смог прийти, и Келли вызвалась сопроводить Кэтрин на интервью. Таннинг сразу согласилась: «Вы так мне помогли. Это меньшее, что я могу для вас сделать».

«Пока что нас хвалить рано, мы еще не поймали типа, который украл ваши ключи», – возразила Келли, подозревая, что шансы задержать преступника ничтожно малы. Ее временная работа в спецподразделении подходила к концу, когда полиция начала расследование в связи с обращением Кэтрин Таннинг. Свифт она сразу понравилась.

«Я сама виновата, – сказала Таннинг, когда Келли брала у нее показания. – Я много работаю, а домой ехать так долго, что устоять перед возможностью подремать просто невозможно. Мне даже в голову не приходило, что кто-то может этим воспользоваться».

Свифт считала, что Кэтрин еще легко отделалась. Вор сунул руку в ее сумку, пока Таннинг дремала, прислонившись к стенке вагона, но он не нашел ни ее кошелек (тот был спрятан в потайном кармашке), ни телефона (тот лежал в другом кармане). В итоге он просто вытащил из сумки ключи.

«Это не ваша вина, – заверила ее Келли. – У вас есть полное право отдохнуть по дороге домой». Она заполнила отчет и написала запрос на получение записей с камер наблюдения. В тот же день ей позвонили из пресс-службы, и Кэтрин оказалась ей наилучшим кандидатом на интервью для статьи о борьбе с преступностью в метро. Келли просмотрела разворот в поисках своей ремарки и обнаружила, что журналист неверно записал ее должность – он назвал ее детективом-констеблем, а не просто констеблем. Ее сотрудники будучи не очень-то довольны этим.

Кэтрин – одна из сотен жителей города и туристов, ставших за последний год жертвами карманных краж в общественном транспорте. Мы призываем пассажиров сохранять бдительность и сообщать сотрудникам Британской транспортной полиции о всех подозрительных событиях.

Свифт аккуратно вырезала статью из газеты, чтобы отдать Кэтрин, и отправила ей сообщение, благодаря за помощь.

Служебный телефон остался в шкафчике на работе, но Келли дала Таннинг и номер своего мобильного – на всякий случай.

Она не стала переодеваться, только сняла галстук и пиджак с погонами, а на белую форменную рубашку набросила домашнюю флисовую кофту. И только после этого села расшнуровывать ботинки. Пара старых друзей пригласила ее в паб, но завтра ей вставать в пять утра, а какой смысл идти в паб вечером в пятницу и при этом не пить? Нет уж, горячие

бутерброды, сериальчик, чай и теплая кровать – вот и все, что нужно.

Мобильный зазвонил, и Келли улыбнулась, увидев высветившийся на экране номер сестры.

– Привет, как ты? Сто лет уже не общались!

– Прости, сама знаешь, как оно бывает. Слушай, я нашла маме изумительный подарок на Рождество, но стоит он чуть дороже, чем мы обычно тратим. Не хочешь к нам присоединиться?

– Конечно. Что за подарок? – Келли сбросила один ботинок, затем второй, вполуха слушая, как ее близняшка расхваливает вазу, увиденную на ярмарке изделий ручной работы.

Стояла середина ноября, до Рождества еще жить и жить. Свифт подозревала, что родилась без гена любви к покупкам: она всегда оставляла выбор подарков на последний день и втайне наслаждалась суматохой в торговых центрах накануне Рождества, посмеиваясь над загнанными в ловушку мужчинами, в панике скупающими втридорога духи и женское белье.

– Как мальчишки? – перебила она сестру, когда стало ясно, что сейчас Лекси заговорит о подарках остальным родственникам.

– Отлично. Конечно, хлопот от них не оберешься, но в целом – отлично. Альфи уже освоился в школе, а Фергюс, судя по состоянию его одежды в конце дня, прекрасно проводит время в детском садике.

Келли рассмеялась:

– Я по ним скучаю.

Лекси и ее муж Стюарт жили в Сент-Олбансе, совсем недалеко от Лондона, но Свифт редко виделась с ними. По крайней мере не так часто, как хотелось бы.

– Так приезжай!

– Обещаю, как только время появится. Давай я проверю свое расписание и напишу тебе, когда у меня выходные? Может, в воскресенье на обед к вам нагряну? – По воскресеньям Лекси обычно готовила изумительное жаркое. – По-моему, у меня несколько выходных подряд в начале декабря. Ты не против, если я приеду с ночевкой?

– Идеально. Мальчишки в восторге, когда ты приезжаешь. Только я третьего не могу – иду на встречу выпускников.

Едва заметное изменение интонации, смущение в голосе, произнесенная словно невзначай фраза – Келли сразу поняла, что это за встреча выпускников и где она будет проходить.

– В Дареме?

Молчание.

Свифт представила, как ее сестра кивает, вскинув подбородок, как обычно перед ссорой.

– Выпуск 2005 года, – нарочито весело произнесла Лекси. – Наверное, я половину из них не узнаю, хотя мы все еще общаемся с Эбби и Дэном, да и Моши я время от времени вижу. Поверить не могу, что прошло уже десять лет! Как десять минут пролетели! Представляешь...

– Лекси!

Сестра замолчала, и Келли попыталась подобрать правильные слова.

– Ты уверена, что это хорошая идея? Разве это не... – Она поморщилась, сожалея, что не говорит с сестрой с глазу на глаз. – Не столкнет тебя с прошлым?

Она подалась вперед, ожидая ответа, и потеряла кулон на серебряной цепочке –

половинка сердца. Интересно, Лекси носит свою половинку? Сестры купили эти кулоны той самой осенью, перед отъездом в университет. Келли поступила в Брайтон, Лекси – в Дарем. Тогда они впервые с самого рождения расставались дольше чем на один день.

Когда Лекси наконец-то ответила, говорила она сдержанно, как и всегда в спорах с сестрой.

– Не с чем там сталкиваться, Келли. Что случилось, то случилось. Я не могу этого изменить, но это событие не должно преследовать меня всю жизнь.

Лекси всегда была спокойнее и рассудительнее. Теоретически близнецы ничем не должны отличаться друг от друга, но Келли и Лекси никогда не путали. Да, у них была одинаковая внешность – тот же волевой подбородок, тонкий нос, темно-карие глаза – но если Лекси всегда оставалась спокойной и безмятежной, то Келли отличалась вспыльчивым нравом. В детстве они часто пытались поменяться местами, но никого из знакомых им так и не удалось обвести вокруг пальца.

– Почему я не могу вспомнить старые добрые времена в университете? – говорила тем временем Лекси. – Почему не могу прогуляться по университетскому городку, как и все мои друзья, вспоминая наши вечеринки, лекции, глупые розыгрыши?

– Но...

– Нет, Келли. Если бы я ушла после случившегося, перевелась в другой университет, как вы с мамой хотели, то он бы победил. И если я не пойду на встречу выпускников, потому что боюсь воспоминаний, связанных с этим местом, он опять победит.

Свифт поняла, что ее трясет. Она опустила ноги на пол и наклонилась вперед, прижимая локти к коленям, чтобы избавиться от дрожи.

– Я думаю, ты сошла с ума. Я бы к этому месту и близко не подошла.

– Ну, ты – это не я, верно? – Лекси вздохнула, даже не пытаясь скрыть раздражение. – Любой бы подумал, что это случилось с тобой, а не со мной.

Свифт промолчала. Как она могла объяснить Лекси, что именно так себя и чувствует? Не могла же она заявить сестре, что ее травма сравнится с тем, что пришлось пережить Лекси? Келли вспомнилась лекция по охране труда в полицейской академии. Лектор рассказывал о несчастном случае на автомагистрали М-25: десятки человек были ранены, шестеро погибли. Лектор предложил аудитории угадать, кто потом страдал от посттравматического синдрома? Патрульные, первыми прибывшие на место катастрофы? Сержант дорожной полиции, которому пришлось успокаивать мать двоих погибших детей? Водитель грузовика, из-за чьей халатности и произошел несчастный случай?

Нет.

Посттравматический синдром проявился у полицейского, который отправился утром в свой выходной на пробежку и как раз находился на мосту над автомагистралью, когда все произошло. Именно он позвонил в скорую и в полицию, предоставив ценную информацию. Но, будучи свидетелем катастрофы, он оказался совершенно бессилён при виде разворачивающейся перед его глазами трагедии. Именно его психика пострадала сильнее всего. Он винил себя за то, что ничего не предпринял. Из-за посттравматического расстройства ему пришлось уйти в отставку. Он больше не мог общаться с людьми. Не мог действовать. Мог только наблюдать за происходящим.

– Прости, – сказала Келли.

Лекси вздохнула:

– Ничего страшного.

Но это было страшно, и они это знали, просто не хотели об этом говорить. Когда они встретятся в следующий раз, Лекси расскажет о планах на Рождество, а Келли станет расхваливать свою работу, и обе притворятся, что все в порядке.

Как они притворялись последние десять лет.

– Как работа? – спросила Лекси, точно прочитав мысли сестры.

– Все нормально. Рутинка, сама знаешь. – Келли попыталась произнести эти слова непринужденно, но Лекси это не обмануло.

– Ох, Кел, тебе нужны задачи посерьезнее. Ты думала о том, чтобы перевестись в спецподразделение? Они не могут вечно винить тебя в случившемся.

В этом Свифт была совершенно не уверена. Четыре года назад она ушла из спецподразделения Британской транспортной полиции по расследованию сексуальных преступлений. Ее уход был неожиданным – и сопровождался весьма неприятными обстоятельствами. Она провела девять месяцев на больничном, а когда вернулась, ее перевели в патрульные – начальник представил это назначение как возможность начать все с чистого листа, но Келли чувствовала, что ее наказывают. Она с головой ушла в работу патрульного, вскоре став одной из наиболее уважаемых констеблей. Она усердно делала вид, что всегда хотела быть патрульной, но каждый день втайне мечтала о том, чтобы снова заниматься серьезными расследованиями.

– Твоя недавняя работа при спецподразделении сыграет тебе на руку, – не унималась Лекси. – Уверена, теперь твое начальство понимает, что ты больше не... – Она осеклась, не зная, как назвать случившееся с Келли, когда та не могла выйти из квартиры из-за панических атак и потому не работала.

– Мне нравится моя теперешняя должность, – отрезала Келли. – Слушай, мне нужно идти – кто-то в дверь звонит.

– Так ты к нам приедешь, да?

– Обещаю. Люблю тебя, сестренка.

– И я тебя.

Положив трубку, Келли вздохнула. Три месяца она работала в спецподразделении по борьбе с ворами-карманниками, отряде, созданном для снижения уровня карманных краж в лондонском метро. Ей нравилась не столько возможность ходить в штатском – хотя после четырех лет в форме патрульного ее это весьма обрадовало, – сколько чувство, словно она действительно может что-то изменить, противостоять волне преступности, мучившей столь многих в этом городе. С тех пор как Свифт приступила к этой работе, полиция создала еще несколько специализированных подразделений: теперь все серьезные преступления расследовали именно они, и патрульным оставалось разбираться только с нарушителями порядка и «антиобщественным поведением». Келли вернулась к патрулированию всего неделю назад, и кроме Карла Бейлисса ей пришлось задерживать только подростков-хулиганов, забравшихся с ногами на сиденье, да пару пьяных, ломившихся без билетов на платформу вечером в пятницу. Может быть, она уже готова вернуться в спецотряд на полную ставку? Свифт думала, что готова, но когда она поделилась этой мыслью с начальником, то он ответил кратко и по сути: «Люди на этой работе ничего не забывают, Келли. С тобой связан слишком большой риск».

В утешение начальник направил ее в помощь спецподразделению, чтобы Свифт отвлеклась от рутины полицейских смен, но при этом не пострадала от эмоциональной вовлеченности. Он хотел подбодрить Келли, но на самом деле только напомнил ей о том,

чего ей так не хватает.

Лекси права. Нужно оставить прошлое позади.

Так непривычно видеть Кейти утром – чаевые в ресторане выше вечером, чем в дневную смену, поэтому она работает допоздна, а по выходным редко ложится спать рано. Но вчера она была в кровати уже в десять, и когда я заглянула к ней, направляясь в спальню (трудно нарушать выработанные за столько лет привычки), она уже дремала. Я валяюсь в постели, пытаюсь заставить себя встать этим дождливым утром понедельника, и слышу гул бойлера, сопровождающийся перестуком. А я так надеялась на выходных, что этот стук мне просто слышался.

– Бойлер в душевой сломался.

Саймон неопределенно хмыкает, то ли соглашаясь, то ли возражая, и притягивает меня к себе, обхватив одной рукой. Я выворачиваюсь из его объятий.

– На работу опоздаем. Нужно вызвать мастера проверить душ. С ним явно что-то не так.

– Это будет стоить целое состояние, ты же знаешь, какие цены выставляют сантехники. Еще порог не переступили – а уже выставили счет на сотню фунтов.

– Ну, сама я его починить не могу, а... – Я не заканчиваю предложение, выразительно глядя на Саймона.

– Эй, не так уж плохо у меня и получается! – Он щипает меня за бок, и я хихикаю.

Полное отсутствие таланта к любым ремонтным работам у Саймона сравнится разве что с моей криворукостью. Дом, который мы купили с Мэттом, был изъят банком у предыдущих жильцов, иначе бы мы никогда не смогли себе позволить такое приобретение. Мы с Мэттом договорились, что отремонтируем его вместе, но после того, как я во второй раз случайно просверлила водопроводную трубу, я согласилась больше не прикасаться к инструментам, и мелкий ремонт по дому стал сугубо мужской обязанностью в нашей семье, наравне с выносом мусора и починкой машины. За те годы, когда я жила с детьми одна, я привыкла следить за домом, но полочка в ванной падала три раза, а шкаф в комнате у Кейти все время норовит развалиться. Узнав, что Саймон тоже ничего не может отремонтировать, я втайне была разочарована.

– Какой смысл чинить только бойлер? – говорит он тем временем. – Нам нужно сделать капитальный ремонт в ванной.

– В ближайшее время денег на это не предвидится, – возражаю я, думая о рождественских подарках, которые вскоре ударят по моей кредитке. – Придется починить душ и смириться со всем остальным. – Я прижимаюсь к Саймону, чувствуя тепло его тела, но при этом поглядываю на часы.

– Это пустая трата денег. – Саймон сбрасывает одеяло, и меня окатывает потоком холодного воздуха.

Я удивленно приподнимаюсь.

– С каких это пор ты волнуешься из-за денег?

Это я обычно слежу за тем, сколько мы тратим. У меня это в крови. Саймон же, напротив, обычно обходится с деньгами довольно небрежно – как и все люди, никогда не испытывавшие нехватку наличности.

– Прости. – Он смущенно пожимает плечами. – Я сегодня, похоже, не с той ноги встал. Просто обидно тратить деньги на заплатки, когда нужно новое платье. Как думаешь, может, мне взять кредит на капитальный ремонт?

Я представляю себе ванную комнату своей мечты: хромированные поверхности, белая плитка. Как в той гостинице в Париже, куда Саймон возил меня на нашу первую годовщину.

– Мы не можем себе этого позволить, Саймон. Особенно накануне Рождества.

– Я заплачú. – Что-то в его глазах подсказывает мне, что он тут же пожалел о сказанном, но Саймон не хочет отступить. – Ты не позволяешь мне вносить свою долю в оплату дома, так хоть разреши мне подарить тебе новую ванную.

Может, это из-за вчерашних упреков Джастина? Я уже открываю рот, чтобы возразить, но Саймон поднимает руки в знак протеста.

– Я настаиваю. Сегодня поищу какую-нибудь надежную фирму для ремонта. Если такие вообще существуют! Ладно, давай вставать, а то я опоздаю. Да и ты тоже.

Он ловко вскакивает с кровати, я же медленно опускаю ноги на пол, нащупывая пушистые тапочки. Халат холодит кожу, и мне едва удастся унять дрожь, спускаясь в кухню. Я ставлю чайник, спотыкаясь о вертящегося у меня под ногами Бисквита. Он не унимается, пока я не насыпаю ему корма в мисочку.

Гул бойлера затихает, открывается дверь в ванную, в коридоре слышатся шаги и голоса – Кейти и Саймон меняются местами. Гул возобновляется. Кейти сегодня торопится. Собираясь гулять с друзьями, она может просидеть в ванной несколько часов. Правда, Саймон никогда не жалуется. Он скорее предпочтет обойтись без душа, чем подгонять Кейти.

«Подростки... – Он только пожал плечами, когда я однажды начала ворчать из-за того, что Кейти надолго занимает душ. – Я-то быстро моюсь, голову, опять же, особо мыть не надо». И Саймон печально улыбнулся, запуская пальцы в уже почти седые редующие волосы. «Ты очень чуткий человек», – сказала я ему.

После Мэтта с его вздорным нравом было очень приятно жить с настолько терпеливым человеком. При мне Саймон ни разу не выходил из себя, даже когда к нам уже в сотый, казалось, раз пришли соседи с жалобами на то, что Джастин слишком громко включает музыку, – это при том, что дело было днем и их собственные дети вопили куда громче! Мне кажется, Саймон просто не умеет злиться.

Когда я сказала Мелиссе, что Саймон до нашей встречи десять лет жил один, она подозрительно прищурилась: «Что с ним не так?»

«Ничего! – ответила я. – Он просто не встретил подходящего человека. Зато сам все умеет делать в быту. Готовит, убирает, даже белье гладит».

«Может, как он тебе надоест, ты его мне отдашь? Нейл может разобрать компьютер до винтика, но как включить пылесос – это для него загадка».

Я рассмеялась. Даже тогда, в самые первые дни наших отношений, я уже чувствовала, что Саймон мне не надоест. Помню, как я задрожала от возбуждения, когда он впервые поцеловал меня. Помню, в каком я была восторге в конце того первого свидания, когда мы занялись любовью, – пусть секс был недолгим и неуклюжим, но таким восхитительным, не в последнюю очередь оттого, что я действовала с неожиданной импульсивностью. Это мне нравилось в Саймоне больше всего – рядом с ним я чувствовала себя другим человеком. Не мамочкой, не любовницей, не женой. Самой собой. Зоуи Уолкер. Я начала жить с Мэттом сразу после того, как ушла из дома родителей, а когда в тридцатилетнем возрасте развелась, я так волновалась за детей, что мне казалось неважным, кто же я на самом деле. Но после встречи с Саймоном это изменилось.

Я завариваю чай и несó поднос с четырьмя чашками на второй этаж. Постучав в комнату Джастина, я осторожно пробираюсь среди гор хлама к его кровати и ставлю чай на

прикроватный столик. Над чашкой вьется дымок.

– Джастин, я тебе чаю принесла.

Он не шевелится, и я забираю вчерашний чай – Джастин к нему даже не притронулся. Я смотрю на своего сына – трехдневная щетина скрывает ямочки на щеках, прядь волос упала на лицо, одна рука вытянута к изголовью.

– Родной, уже почти семь.

Он сонно что-то бормочет в ответ. На столике стоит его ноутбук, на экране – тред какого-то музыкального форума, белый шрифт на черном фоне, у меня бы от такого сразу голова заболела. Слева на экране фотография, которую Джастин использует для общения онлайн, – его лицо, почти закрытое выставленной вперед ладонью. На ладони черным маркером написан его ник: «Game8oy_94».

Ему двадцать два года, а ведет он себя как двенадцатилетний мальчишка. Кейти всегда так торопилась повзрослеть – не могла дождаться, когда же куклы Барби и сериал «Дружба – это магия» останутся в прошлом. Но, наверное, в каждом мужчине еще долго живет мальчишка.

Я думаю о том, что вчера сказал Саймон. Действительно ли и в тридцать лет Джастин до сих пор будет жить с нами? Когда-то я думала, что не хочу отпускать своих детей. Мне нравилось, что мы все живем вместе, встречаемся за ужином, а в остальном – просто сосуществуем. Мы с Кейти иногда ходим гулять, а Джастин, бывает, сидит в кухне, пока я готовлю обед, и норовит утащить картошку со сковороды, рассказывая мне о компьютерных играх, в которых я не разбираюсь. Мы как соседи в студенческом общежитии, иногда думала я. И только когда сюда переехал Саймон, я поняла, насколько мне не хватало таких отношений.

Джастин натягивает одеяло на голову.

– На работу опоздаешь, – ворчу я.

Если не поторопиться, я и сама опоздаю.

– Я плохо себя чувствую, – доносится из-под одеяла.

Я резко сдергиваю с кровати покрывало.

– Мелисса на тебя рассчитывает, Джастин. Ты не можешь сейчас взять больничный, слышишь?!

От этого заявления он наконец-то просыпается. Джастин знает, что если бы не Мелисса, он не смог бы устроиться на работу. Если бы я не попросила Мелиссу, если уж на то пошло.

– Ладно-ладно. Не начинай.

Я выхожу из комнаты, только когда Джастин садится в кровати и принимается ерошить волосы, отчего они торчат во все стороны.

Из дверного проема ванной вырывается облачко пара. Я стучу в дверь Кейти, дожидаясь отклика. Кейти сидит за столом и подводит брови. Волосы замотаны полотенцем, но макияж уже почти закончен.

– Мам, ты просто золото. Спасибо, выпью, пока буду волосы укладывать. В полседьмого выйдем?

– Хочешь, я горячих бутербродов приготовлю?

– Нет, меня от них разносит. Я потом что-нибудь съем. – Она посылает мне воздушный поцелуй и забирает свою чашку с надписью «Единственный путь – это Эссекс».^[5]

Даже в халате Кейти выглядит изумительно. Ноги от ушей. Бог его знает, в кого она

пошла. Не в меня точно. И хотя Мэтт выше меня, он довольно полный. «Куплено и оплачено», – бывало, ухмылялся он, поглаживая себя по животу. Как разительно он отличается от Саймона – тот высокий, худощавый, длинноногий, потрясающе выглядит в строгом костюме и комично – в шортах.

«Могу поспорить, он никогда в жизни не работал руками», – раздраженно сказал Мэтт после их первой встречи. Тогда он привез домой Кейти, а Саймон открыл им дверь. «Может, ему и не нужно было», – ответила я и тут же пожалела о сказанном. Мэтт умница. Может, он не так образован, как Саймон, но не дурак. Он закончил бы колледж, если бы не я.

Я несу Саймону чай. Он уже оделся: голубая рубашка, синие брюки. Пиджак еще в шкафу. Галстук он не носит, благо в «Телеграф» все одеваются как хотят, но Саймон все равно предпочитает деловой стиль, он не из тех, кто пойдет на работу в джинсах. Я смотрю на часы и отправляюсь в ванную, надеясь, что мне хватит горячей воды. Удастся только ополоснуться – вода вскоре заканчивается.

Я уже вытираюсь, когда кто-то стучит в дверь.

– Я уже почти готова!

– Это я. Мне пора.

– Да ты что?! – Я открываю дверь, обмотавшись полотенцем. – Я думала, мы вместе поедем.

– Я же говорил, что мне сегодня нужно на работу пораньше. – Саймон меня целует.

– Я буду готова через десять минут.

– Прости, мне правда нужно бежать. Я тебе позже перезвоню.

Он спускается на первый этаж, а я вытираюсь, злясь на себя за то, что расстроилась. Ну и что, что мы вместе не пройдемся до станции метро? Почему же я реагирую, как девчонка-подросток, которая втрескалась по уши в капитана футбольной команды, а он отказался идти с ней на свидание?

Раньше Саймон работал посменно – то ранним утром, то поздним вечером – и иногда дежурил по выходным, но пару месяцев назад, в начале августа, ему установили в редакции обычный график, предполагавший работу в новостном отделе с понедельника по пятницу. Я думала, он будет доволен, но вместо того, чтобы наслаждаться возможностью проводить вечера вместе, Саймон приходит домой удрученный и несчастный.

«Не люблю перемены в жизни», – объяснил он мне.

«Так попроси их перевести тебя на прежний график».

«Ничего не получится. – По его тону было понятно, насколько он разочарован. – Ты не понимаешь...».

И Саймон был прав. Я не понимала этого. Как и теперь не понимала, почему он не может подождать нас с Кейти десять минут.

– Удачи! – кричит он Кейти, направляясь к выходу. – Срази их наповал!

– Волнуешься? – спрашиваю я, когда мы идем к станции метро.

Она молчит – и такого ответа мне достаточно. Кейти прижимает к себе папку с десятком фотографий, стоивших целое состояние. На каждом снимке Кейти в другом наряде и с другим выражением лица, но на всех она прекрасна. Саймон оплатил ей фотосессию в подарок на восемнадцатилетие, и, по-моему, я еще никогда не видела ее такой счастливой.

– Не уверена, что смогу справиться с очередным отказом, – тихо говорит она.

Я вздыхаю.

– Это нелегкое дело, Кейти. Боюсь, тебе не раз еще придется выслушивать отказы.

– Вот спасибо. Приятно, что собственная мать верит в меня. – Она трясет головой, и по ее виду понятно, что она бы уже убежала, если бы нам было не по пути.

– Не надо, Кейти. Ты же знаешь, что я имею в виду.

У входа на станцию «Кристал Пэлас» играет на гитаре девушка с дредами, и я привычно здороваюсь с ней, сунув руку в карман за монетками. Ее зовут Меган, она чуть старше Кейти. Я это знаю, потому что однажды разговорилась с ней. Родители выгнали ее из дома, и она перебивается с квартиры на квартиру у друзей, просит милостыню и стоит в очередях за бесплатной похлебкой в благотворительных фондах в Брикстоне и Норвуде.

– Холодно сегодня, да? – Я бросаю в футляр из-под гитары десять пенсов, и монетка со звоном падает на грудь мелочи.

Меган прерывается, чтобы поблагодарить меня, и тут же подхватывает песню с того момента, на котором остановилась.

– Десять пенсов ей не помогут, мам.

Мы заходим на станцию, и песня Меган затихает.

– Десять пенсов утром, десять вечером. Это фунт в неделю. – Я пожимаю плечами. – Пятьдесят с лишним фунтов в год.

– Ну, если посмотреть с этой стороны, то это немало. – Кейти задумчиво молчит. – Но почему бы тебе не давать ей по фунту каждую пятницу? Или не вручить ей пятьдесят фунтов на Рождество?

Мы достаем карточки метро и, миновав турникеты, поднимаемся на платформу наземки.

– Потому что так никому не покажется, что я трачу на это столько денег, – говорю я Кейти, хотя дело в другом.

Тут важны не деньги. Важна доброта. Так я каждый день показываю Меган, что в мире есть доброта.

На станции «Ватерлоо» мы выходим из вагона, и толпа подхватывает нас, несет за собой к переходу на Северную ветку.

– Честно, мам, не понимаю, как ты можешь терпеть это каждый день.

– Можно привыкнуть, – отвечаю я, хотя я не так привыкла, как смирилась с этими тяготами пути. Поездка в людном душном вагоне – необходимое условие работы в центре Лондона.

– Ужасно, просто ужасно. Ездить в центр в среду и субботу вечером и так неприятно, но в час пик? Господи, я бы не выдержала.

Кейти работает официанткой в ресторане рядом с Лестер-сквер. Она могла бы найти место поближе к дому, но ей нравится работать «в сердце города», как она говорит, имея в виду, что в Ковент-Гардене выше шансы встретить кинопродюсера или агента, чем в Форест-Хилл. Наверное, она права, хотя за полтора года работы там никто ей так и не встретился.

Но сегодня Кейти едет не в ресторан. Ей предстоит прослушивание, где ее таланты оценит очередное театральное агентство и – как она надеется – возьмет ее на работу. Хотелось бы мне верить в нее настолько, насколько она от меня ожидает, но я реалистка. Кейти красива и талантлива, из нее вышла бы отличная актриса, но она девятнадцатилетняя девчонка из Пэкхема, и ее шансы стать великой актрисой не выше, чем у меня выиграть в лотерею. А я даже лотерейные билеты не покупаю.

– Пообещай мне, что, если они тебе откажут, ты хотя бы подумаешь о курсах подготовки секретарей, помнишь, я тебе о них говорила?

Кейти раздраженно смотрит на меня.

– Для подстраховки, не более того.

– Спасибо за слова поддержки, мам.

На станции «Лестер-сквер» полно людей, и толпа разделяет нас перед билетным терминалом. Наконец мне удается опять отыскать Кейти. Я сжимаю ее руку.

– Я просто предлагаю мыслить практично, вот и все.

Она на меня сердится, и я ее не виню. И зачем только я заговорила об этих курсах именно сейчас? Я смотрю на часы.

– Собеседование еще через сорок пять минут. Давай я угощу тебя кофе.

– Я предпочла бы побыть одна.

«Да уж, я это заслужила», – думаю я.

– Чтобы повторить роль, понимаешь? – Кейти замечает обиду в моих глазах.

– Конечно. Тогда удачи тебе. Я серьезно, Кейти. Надеюсь, все пройдет как по маслу.

Я смотрю, как она удаляется, и сожалею, что не могу порадоваться за нее, подбодрить ее, как сделал сегодня Саймон.

– Могла бы проявить больше энтузиазма. – Мелисса намазывает масло на ломти хлеба и складывает их на подносе парами, маслом внутрь – готовится к времени обеденного перерыва, когда кафе переполнится. В застекленном шкафчике – миски с тунцом в майонезе, копченым лососем, натертым сыром. Кафе в Ковент-Гардене называется «У Мелиссы-2». Оно больше, чем заведение на Энерли-роуд, с высокой стойкой у окна и пятью-шестью столиками с металлическими стульями – в конце рабочего дня эти стулья складывают стопкой в углу, чтобы уборщица могла протереть пол.

– То есть солгать ей?

Сейчас без десяти девять, и в кафе еще пусто, только Найджел сидит за стойкой у окна, грея руки о чашку чая. Его серый плащ покрывает толстый слой грязи, и при каждом движении вокруг волнами расходится запах немытого тела. В десять утра, когда кафе открывается, Мелисса его выгоняет, говоря, что он распугивает ей посетителей. Найджел просил милостыню перед кафе, положив перед собой кепку, пока Мелисса над ним не сжалилась. За завтрак она берет с него пятьдесят пенсов, на два фунта меньше, чем указано в меню, и бедняга наедается на целый день.

– Просто поддержи ее.

– Я ее *и так* поддерживаю! Я отпросилась с работы на пару часов, чтобы провести ее.

– А она об этом знает?

Я осеклась. Я собиралась встретить Кейти после прослушивания, узнать, как все прошло, но она явно дала мне понять, что не хочет сейчас меня видеть.

– Тебе стоит показывать, что ты на ее стороне. Представляешь, вот станет она голливудской кинозвездой, а потом в глянцевых журналах будут писать, мол, мама говорила ей, что толку из нее не выйдет.

Я смеюсь:

– Хотя ты не начинай. Саймон уверен, что у нее все получится.

– Вот видишь, – говорит Мелисса, словно этим все сказано.

Ее сеточка для волос развязывается, и я поправляю ее, чтобы Мелиссе не пришлось

мыть руки. У Мелиссы длинные, густые и блестящие темные волосы, которые она закручивает в причудливый узел, так что прическа кажется сложной, но я видела, как она сооружает этот узел за пару секунд. За работой она втыкает в прическу ручку, отчего приобретает богемный вид, хотя причислить ее к богеме довольно трудно. Как и обычно, сегодня она одета в джинсы и короткие сапожки, рукава накрахмаленной белой рубашки закатаны, обнажая бледную кожу, столь контрастирующую с темной кожей ее мужа.

– Спасибо.

– С другой стороны, Саймон верит, что когда-то напишет бестселлер. – Я ухмыляюсь, но хотя эти слова задумывались как шутка, меня тут же охватывает стыд.

– Разве для этого он не должен что-то писать?

– Он и пишет. – Я тут же встаю на защиту Саймона, успокаивая разбушевавшуюся совесть. – Но ему сначала нужно собрать немало информации для книги, а выкроить время, работая всю неделю, нелегко.

– Что же он пишет?

– Какой-то триллер о шпионах, кажется. Ты же меня знаешь, я такие книжки не читаю. Зато романы Мейв Бинчи идут на ура.

Я не прочла ни единого отрывка из книги Саймона. Он хочет вначале все дописать, и меня это устраивает. На самом деле я немного волнуюсь по этому поводу. Волнуюсь, что скажу что-то не то. Волнуюсь, что недостаточно разбираюсь в книгах, чтобы понять, хорош его роман или нет. Впрочем, я уверена, что книга получится отличная. Саймон так красиво пишет. Он проработал в «Телеграф» дольше остальных журналистов – и когда мы только познакомились, уже писал свой роман.

В кафе входит какой-то мужчина, и Мелисса приветливо здоровается с ним, называя его по имени. Они болтают о погоде, пока она готовит ему кофе, добавляя молоко и сахар, не спрашивая, требуется ли это.

На полке у стены валяется пятничный выпуск «Метро», и я просматриваю газету, пока Мелисса обслуживает клиента. Газета была открыта на странице со статьей под названием «Взлет преступности в метро», и, хотя рядом никого нет, я инстинктивно прижимаю к себе сумку. За долгие годы у меня выработалась привычка носить ее через плечо, зажимая под мышкой. На фотографиях рядом со статьей – избитый парень возраста Джастина и женщина, сидящая с приоткрытой сумкой на коленях. Вид у женщины такой, будто она вот-вот расплачется. Я пробегаю взглядом статью, но там нет ничего нового, только советы о том, что стоит следить за своими вещами, а по ночам не ездить в метро в одиночку. Все это я уже не раз говорила Кейти.

– Джастин сказал, вчера твоя менеджер заболела, – говорю я, когда мы остаемся одни.

– Сегодня она тоже не вышла на работу, так что... – Мелисса выразительно указывает на свою сеточку для волос. – Могу поспорить, у Ричарда Бренсона не было таких проблем, когда он строил свою империю.

– Это уж точно. Правда, я не уверена, что можно назвать два кафе... – Я вижу недовольство во взгляде Мелиссы и поправляюсь: – Два *замечательных* кафе империей.

– Три, – смущенно замечает Мелисса.

Я, приподняв бровь, жду продолжения.

– Я открыла кафе в Клеркенвелле. И не смотри на меня так. Кто не рискует, тот не пьет шампанского.

– Но... – Я останавливаюсь, опасаясь зайти слишком далеко.

Я бы не решилась купить третье кафе, когда второе на грани банкротства, но, наверное, поэтому Мелисса занимается бизнесом, а я нет. Когда мы переехали в дом по соседству с Мелиссой и Нейлом, я ходила на бухгалтерские курсы по программе переквалификации. В школе мне не давалась математика, но Мэтт забирал детей только по средам, а на бирже труда мне предложили либо бухгалтерские курсы, либо курсы столяров, но я не видела себя в роли человека, изготавливающего стулья на заказ. Мелисса была моим первым клиентом.

«Раньше я сама вела бухгалтерию, – сказала она мне, когда я похвасталась своими курсами. – Но теперь я открыла новое кафе в Ковент-Гардене, и мне не помешает помощь. Там чеки и платежки, ничего сложного». Я ухватила за представившуюся возможность. И хотя прошел только год до того, как другой клиент, Грехем Холлоу, предложил мне постоянную работу, я до сих пор вела бухгалтерию в кафе «У Мелиссы» и «У Мелиссы-2».

– Как называться будет? «У Мелиссы-3»?

Она смеется.

– А потом, глядишь, и «У Мелиссы-4», и «У Мелиссы-5» появятся. Нет предела совершенству!

Я должна была прийти на работу только после обеденного перерыва, но когда появляюсь в офисе в одиннадцать, Грехем выразительно смотрит на часы.

– Хорошо, что ты сегодня вышла на работу, Зоуи.

Как и всегда, он одет в костюм-тройку – и даже карманные часы в жилете носит. «Профессионализм внушает уверенность», – как-то сказал он. Наверное, так он пытался уговорить меня сменить брюки клеш на что-то более старомодное.

Но я не поддаюсь на провокацию. В пятницу Грехем лично подписал мое заявление о паре часов за свой счет – он знает, что сегодня я должна была явиться на работу позже.

– Хотите, я приготовлю вам кофе? – Я уже давно поняла, что лучший способ осадить Грехема – это безупречная вежливость.

– Да, спасибо, не откажусь. Хорошо провела выходные?

– Неплохо.

Я не вдаюсь в подробности, а он не спрашивает. Я не распространяюсь о своей личной жизни: когда мы с Саймоном начали встречаться, у Грехема хватило наглости заявить мне, что неэтично вступать в отношения с человеком, с которым я познакомилась на работе, хотя прошло уже несколько месяцев после того, как Саймон, собирая информацию для очередной статьи, приходил к нам узнавать о ценах на аренду офисных помещений.

«В таком случае не является ли неэтичным пойти на свидание со своим начальником?» – ответила я, скрестив руки на груди и глядя Грехему в глаза. Через полтора месяца после того, как я узнала об измене Мэтта и, не понимая, что происходит, была на грани нервного срыва, Грехем Холлоу пригласил меня на ужин, и я ответила отрицательно.

«Мне было тебя жаль, – сказал он, когда я предъявила ему эту претензию. – Я подумал, что это тебя взбодрит».

«Точно. Спасибо большое».

«Может, этот твой новый парень поступает так же».

Но я не клюнула на эту наживку. Я знала, что Саймон меня не жалеет. Он меня обожал. Дарил цветы, водил в дорогие рестораны, целовал так, что у меня ноги подгибались. Мы встречались всего пару недель, но я уже знала, что он любит меня. Просто знала – и все. Может быть, Грехем меня и жалел, но он не простил мне тот отказ. Больше он не разрешал

мне уходить с работы раньше, когда дети болели, и не подвозил домой, если я опаздывала на электричку. С тех самых пор он строго придерживался профессиональной этики, а мне очень нужна была эта работа, поэтому я не нарушала никаких правил.

Грехем допивает кофе, надевает пальто и уходит. В его ежедневнике ничего не написано, но перед уходом он говорит, что ему нужно к ветеринару из-за каких-то проблем с его псом. Честно говоря, я рада остаться в офисе одна. Сегодня необычное затишье, как для понедельника, и я решаю приступить к генеральной уборке: пропустить через shredder ненужные документы, вытереть пыль за горшками с клеомами.

Телефон попискивает – пришло сообщение от Мэтта:

Как КТ?

Он всегда так сокращает имена. Кейти – КТ, Джастин – Джас, а меня он называет Зоуи, только когда мы ссоримся.

Наверное, Саймона он бы называл Сай, если бы они общались.

Пока нет новостей, – отвечаю я. – Не знаю, хорошо это или плохо!

Она была уверена в себе?

Я задумываюсь над ответом.

Оптимистична.

А ты?:-*

Увидев смайлик поцелуйчик, я решаю прервать разговор и возвращаюсь к протиранию пыли. Через пару минут раздается телефонный звонок.

– Ты опять, да?

– Что? – осведомляюсь я, прекрасно зная, что Мэтт имеет в виду.

– Опять расстроила ее перед собеседованием. – Он говорит чуть невнятно, и я понимаю, что во рту у него сигарета.

Конечно же, я тут же слышу щелчок зажигалки и его затяжку. Я бросила курить двадцать лет назад, но, когда Мэтт выдыхает дым, чувствую, как мне этого не хватает.

– Нет... – начинаю я. Но Мэтта мне не обмануть. – Я не хотела.

– Что ты ей сказала?

– Просто упомянула курсы подготовки секретарей, помнишь, я тебе рассказывала?

– Зо...

– Что? Ты сам сказал, что они ей отлично подойдут.

Я слышу в трубке шум проезжающих машин – значит, Мэтт припарковался на обочине.

– Ты должна быть осторожнее с ней. Надавишь слишком сильно – и она будет поступать тебе наперекор.

– Актерский труд – это не настоящая работа. – Я говорю так только потому, что не могу не спорить с Мэттом. – Ей нужны запасные варианты.

– Она это и сама поймет. И когда это произойдет, мы ее поддержим.

Убрав в приемной, я перехожу в кабинет Грехема. Его стол в два раза больше моего, но тут тоже царит порядок. Есть у нас хоть что-то общее. Календарь лежит параллельно краю столешницы, на сегодняшней странице – мотивирующая цитата: «Сделай сегодня то, за что поблаговаришь себя в будущем!» С другой стороны стола установлены друг над другом три лотка для бумаг: «Входящие», «На рассмотрении», «Почта». Перед лотками – стопка газет, наверху – сегодняшний выпуск «Лондон газетт».

В этом нет ничего удивительного. Сложно найти в Лондоне фирму, не выписывающую эту газету. Я беру верхний экземпляр, говоря себе, что все еще убираю. Но потом я просматриваю следующий, и следующий. Тут десяток выпусков, сложенных в аккуратную стопку. Оглянувшись на дверь, я сажусь в кожаное кресло Грехема и просматриваю первую пару страниц, а потом открываю страницу объявлений.

Внутри у меня все сжимается, ладони покрываются потом – на последней странице в газете, в выпуске, вышедшем несколько дней назад, напечатана фотография женщины, которую я уже видела.

* * *

Все мы рабы наших привычек.

Даже ты.

Ты надеваешь одно и то же пальто каждый день. Выходишь из дома в одно и то же время. У тебя есть любимое место в вагоне, ты в точности знаешь, какой эскалатор быстрее, какой терминал удобнее, к какому лотку очередь движется быстрее.

Ты знаешь обо всем этом. И я знаю.

Я знаю, что ты покупаешь газету в одном и том же киоске, берешь молоко в определенный день недели. Знаю, по какой улице ты ведешь детей в школу, где срезаешь путь через подворотни по дороге с тренировки по танцам. Знаю, на какой улице ты прощаешься с друзьями после пятничных посиделок в пабе. Знаю, что потом ты идешь домой одна. Знаю, по какому маршруту ты бегаешь по воскресеньям. Знаю, где ты останавливаешься и делаешь растяжку.

Я все это знаю, потому что тебе ни разу не пришло в голову, что кто-то наблюдает за тобой.

Рутинa успокаивает тебя. Все так знакомо и привычно.

Благодаря рутине ты чувствуешь себя в безопасности.

Рутинa тебя и убьет.

Келли как раз выходила из комнаты для совещаний, когда у нее зазвонил телефон. «Номер скрыт» – значит, скорее всего, звонят из диспетчерской. Ухом прижимая телефон к правому плечу, она застегнула полицейский жилет.

– Келли Свифт.

– Примете звонок от миссис Зоуи Уолкер? – Келли слышала гул голосов в трубке: десяток других диспетчеров принимают вызовы и координируют патрульных. – Она хочет поговорить с вами о краже на Кольцевой линии – карманник что-то вытащил из сумки.

– Вам нужно соединить ее с кем-то из спецподразделения по борьбе с ворами-карманниками. Я закончила свою работу там несколько дней назад и сейчас вернулась к патрулированию.

– Да, я туда звонила, но никто не берет трубку. А ваше имя все еще значится в отчете, поэтому... – Диспетчер не договорила.

Келли вздохнула. Имя Зоуи Уолкер не показалось ей знакомым, но за три месяца в спецподразделении она сталкивалась со столькими жертвами краж, что не могла запомнить всех.

– Соединяйте.

– Спасибо.

В голосе диспетчера прозвучало облегчение, и уже не в первый раз Свифт порадовалась тому, что находится в гуще событий, а не сидит в комнатке без окон, принимая звонки от пострадавших.

В трубке раздался щелчок.

– Алло? Алло? – В голосе женщины слышалось нетерпение.

– Здравствуйте, это констебль Свифт, чем могу помочь?

– Наконец-то! Дозвониться до вас не легче, чем в контрразведку.

– Боюсь, наша работа не так увлекательна, как у ребят из контрразведки. Насколько я понимаю, вы хотели поговорить со мной о краже в метро. Что у вас украли?

– Не у меня. – Женщина явно была недовольна непонятливостью Келли. – А у Кэтрин Таннинг.

Такие звонки не были редкостью, когда полицейского цитировали в газете. С этими полицейскими часто связывались горожане – как правило, их звонки не имели никакого отношения к самой статье, словно одного имени и номера жетона было достаточно, чтобы обратиться за помощью.

– У нее украли ключи, пока она дремала по дороге домой, – говорила тем временем миссис Уолкер. – Только ключи, ничего больше.

Это и было странным – зачем кому-то воровать ключи? Принимая показания пострадавшей, Келли вообще раздумывала, идет ли речь о краже, но Таннинг заверила ее, что не потеряла ключи – их украли.

«Они лежали в отдельном кармане у меня в сумке, – сказала она тогда Келли. – И не могли выпасть». Карман находился на внешней стенке наплечной сумки и застегивался не только на «молнию», но и на липучку. И то и другое кто-то расстегнул.

На записях камер наблюдения было видно, как Кэтрин садится в метро на станции «Шефердс-Буш» – карман на сумке надежно застегнут. К тому времени, как она вышла из

вагона на станции «Эппинг», липучка болталась, а карман был приоткрыт.

Ход расследования был понятен, а Кэтрин оказалась идеальным свидетелем. Она всегда ездила с работы по одному и тому же маршруту, даже выбирала тот же вагон и, если возможно, то же место, когда ехала в электричке по Кольцевой линии. Свифт тогда еще подумала, что если бы все были такими предсказуемыми, то ее работа намного бы упростилась.

Всего за несколько минут просмотра Свифт обнаружила момент, когда у Кэтрин вытащили ключи, – и злоумышленником оказался вовсе не тот, кого она рассчитывала увидеть. Большинство карманных краж в метро совершала шайка Кертиса, но они воровали бумажники и мобильные телефоны, а не ключи. Поэтому когда Келли засекала Кэтрин в вагоне в момент кражи, то даже не сразу разглядела преступника.

Кэтрин дремала, откинувшись на стену вагона, скрестив ноги и сложив руки на сумке. Свифт всматривалась в толпу вокруг в поисках парней в капюшонах и женщин в хиджабах, нищенок с младенцами на руках, и едва заметила стоявшего вплотную к Таннинг мужчину. Он явно не походил на вора-карманника – слишком уж хорошо был одет. Серый шарф, обмотанный вокруг шеи, закрывал уши и подбородок, словно этот высокий мужчина все еще был на улице, защищаясь от буйства стихии. Он стоял спиной к камере, опустив голову. Одним ловким движением он нагнулся, протянул руку к Кэтрин Таннинг – и тут же выпрямился, сунув руку в карман настолько быстро, что Свифт не разглядела, что же он сжимает в пальцах.

Может быть, он подумал, что во внешнем кармане сумки будет лежать кошелек? Или телефон? Попытка кражи, обернувшаяся разочарованием, когда он понял, что вытащил? Наверное, вор забрал ключи просто потому, что возвращать их было бессмысленно. И он выбросил их по дороге домой.

В свой последний день работы в спецподразделении Келли попыталась проследить за этим вором на записях камер наблюдения, но все снимки его лица были настолько низкого качества, что не имело смысла объявлять этого человека в розыск. Он был азиатом, вот и все, что она сумела разобрать. Рост – около метра восьмидесяти. Записи камер наблюдения в подземке были цветными, с впечатляющим разрешением – практически можно было представить себе, что смотришь по телевизору новости о происшествии в метро, – но это не гарантировало возможность установить личность каждого. Для этого камера должна быть направлена в нужную сторону, иначе невозможно получить снимок анфас. Очень часто – как и в этом случае – преступление происходило в месте на периферии обзора камеры. Снимок можно было увеличить, но это приводило к постепенной пикселизации, и все важные детали сливались в смутное пятно – ничего не разобрать!

– Вы были свидетельницей кражи? – спросила Келли.

Она понимала, что если бы эта Зоуи Уолкер действительно присутствовала при краже ключей, она обратилась бы в полицию раньше. Но, может быть, она нашла пропавшие ключи? И их можно будет сдать криминалистам?

– У меня есть для вас кое-какие сведения. – Миссис Уолкер говорила отрывисто, почти грубо, но за ее формальным тоном чувствовалась растерянность.

– Прошу, продолжайте, – мягко сказала Свифт.

Сержант махнул Келли рукой и похлопал ладонью по часам на запястье. Она, указав на часы, одними губами прошептала: «Минутку».

– Жертва. Кэтрин Таннинг. Ее фотография появилась в рубрике объявлений в «Лондон

газетт» прямо перед тем, как ее ключи украли.

Такого Келли от Зоуи Уолкер не ожидала.

– Каком объявлении? – Она села за стол.

– Я не уверена. На странице, где рекламируется секс по телефону и эскорт-услуги. И в пятницу я увидела то же объявление, только на этот раз, как мне кажется, там была моя фотография.

– Как вам кажется? – Келли не смогла сдержать скептицизма в голосе.

Зоуи Уолкер поколебалась.

– Ну, женщина на фотографии очень похожа на меня. Только без очков. Правда, я иногда ношу контактные линзы – одноразовые, знаете? – Она вздохнула. – Вы мне не верите, да? Думаете, я сумасшедшая.

Келли именно так и подумала – и оттого, что Зоуи это сказала, ей стало неловко.

– Вовсе нет. Я просто пытаюсь уточнить факты. Вы можете назвать даты, когда эти объявления были напечатаны?

Подождав, пока Зоуи сверит даты, Свифт записала данные: вторник, третье ноября – фотография Кэтрин Таннинг; пятница, тринадцатое ноября – фотография Зоуи Уолкер.

– Я разберусь, что происходит, – пообещала Келли. Правда, она не знала, когда найдет на это время. – Положитесь на меня.

– Нет. – Пол Пауэлл был неумолим. – Вы три месяца развлекались в спецотряде, пока мы тут занимались полевой работой. Пришло и вам время потрудиться.

Келли прикусила язык, зная, что не стоит ссориться с сержантом.

– Я просто хочу поговорить с Кэтрин Таннинг. – Она ненавидела себя за нотки мольбы в этой фразе. – А потом вернусь к работе, обещаю.

Свифт терпеть не могла незавершенные дела, и хотя показания Зоуи Уолкер звучали, мягко говоря, странно, Келли что-то не давало покоя. Почему снимок Кэтрин появился в газете? Возможно ли, что она стала не случайной жертвой преступления, а ее выбрали намеренно? «Прорекламировали», так сказать? В это трудно было поверить.

– Это больше не входит в твои задачи. Если нужно проверить запрос, передай информацию в спецподразделение. А если тебе нечем заняться, так и скажи...

Келли сдалась. Она знала, когда не стоит настаивать.

Кэтрин Таннинг жила в Эппинге, неподалеку от станции метро. Она обрадовалась звонку Свифт и сразу предложила встретиться после работы в баре на Сефтон-стрит и выпить вина. Келли согласилась, зная, что если ей предстоит разобраться с новыми данными по делу, которое она официально больше не расследует, то теперь она сама по себе.

– Так, значит, вы не нашли ключи?

Кэтрин работала терапевтом в больнице рядом со станцией «Шефердс-Буш». Ей уже исполнилось тридцать семь. В общении она была весьма прямолинейна, и Свифт подозревала, что это не очень-то по душе многим ее пациентам. Но Келли это качество нравилось.

– Ничего страшного. Я и не ожидала, что они найдутся. Но вы меня заинтриговали: что это за история с объявлением?

Секретарша в «Газетт» оказалась на удивление приветлива и выслала цветную копию

страниц с рекламными объявлениями из выпусков, опубликованных в указанные Зоуи Уолкер даты. Келли просмотрела их в метро, сразу наткнувшись на фотографию, которую Зоуи сочла снимком Кэтрин. Всего несколько дней назад Свифт наблюдала за тем, как фотограф газеты «Метро» делает снимки Таннинг, и тогда заметила, как челка Кэтрин закрывает правую часть лба и как в момент вспышки между бровями женщины пролегла морщинка. Фотография в «Лондон газетт», безусловно, очень напоминала те снимки Таннинг.

Келли протянула Кэтрин вырезки из газеты, внимательно наблюдая за реакцией женщины. Информации в объявлении было мало, но оно находилось среди рекламы эскорт-услуг и секса по телефону – предполагалось, что и тут предлагаются подобные услуги. Врач-терапевт днем, девочка по вызову ночью?

Получив копии объявлений, Келли первым же делом ввела в поисковик указанный в объявлении веб-адрес: findtheone.com. Но ссылка вела на пустую страницу с незаполненным полем в центре – видимо, нужно было ввести какой-то пароль. Но ни данных об этой странице, ни информации о том, как этот пароль получить, тут не было.

Изумление на лице Кэтрин было искренним. Женщина помолчала, затем напряженно рассмеялась. Взяв газету, она внимательно присмотрелась к снимку.

– Они могли бы выбрать ракурс и получше, вы не находите?

– Так, значит, это вы?

– Ну, это мое зимнее пальто.

Фото было обрезано, и на темном фоне нельзя было разглядеть какие-то детали одежды. Келли показалось, что снимок сделали в помещении, хотя она не знала, откуда в ней такая уверенность. Кэтрин смотрела в сторону фотокамеры, но не прямо в объектив: ее взгляд был устремлен вдаль, словно она задумалась о чем-то совершенно постороннем. Но воротник темно-коричневого пальто действительно можно было различить, как и меховую оторочку капюшона.

– Вы раньше видели этот снимок?

Кэтрин покачала головой. Невзирая на самообладание женщины, Келли видела, что она встревожена.

– И, я полагаю, это не вы разместили объявление.

– Знаете, условия работы в общественном здравоохранении, может быть, и не из лучших, но я не готова к столь радикальной смене карьеры.

– Вы зарегистрированы на каких-нибудь сайтах знакомств?

Таннинг скептически посмотрела на нее.

– Простите, что спрашиваю, но я подумала, может быть, этот снимок взяли с какого-то такого сайта.

– Нет, никаких сайтов знакомств. Я недавно рассталась с мужчиной, с которым у нас все было очень серьезно, и, признаться, сейчас даже думать не могу о новых отношениях. – Отложив распечатку, она отхлебнула вина и взглянула Келли в глаза. – Скажите прямо, мне стоит волноваться?

– Не знаю, – честно ответила Свифт. – Эту фотографию напечатали в газете за два дня до того, как у вас украли ключи, и я узнала об этом всего несколько часов назад. Женщина, заметившая ваш снимок, Зоуи Уолкер, думает, что в пятницу видела в «Лондон газетт» свою фотографию.

– У нее тоже что-то украли?

– Нет. Но, как вы понимаете, она обеспокоена тем, что ее снимок напечатали в газете.

– Как и я. – Кэтрин помолчала, словно раздумывая, может ли она довериться Свифт. – Знаете, Келли, я уже несколько дней собиралась вам позвонить.

– Так почему же не позвонили?

Таннинг, не мигая, глядела на нее.

– Я врач. Я привыкла иметь дело с фактами, а не с вымыслом, как и вы, наверное. Я хотела позвонить вам, но... я не была уверена.

– Уверены в чем?

Опять молчание.

– Мне кажется, кто-то побывал у меня дома, пока я была на работе.

Келли промолчала, ожидая, что Кэтрин скажет дальше.

– Я не уверена. Это скорее... ощущение такое. – Женщина закатила глаза. – Я знаю, такие показания в суде не примут, верно? Именно поэтому я и не стала ничего сообщать в полицию. Но вчера, вернувшись с работы, я почувствовала запах мужского лосьона в коридоре, могу поклясться. А когда я поднялась на второй этаж переодеваться, то увидела, что корзинка с грязным бельем открыта.

– А вы не могли оставить ее открытой?

– Это возможно, но маловероятно. Закрывать крышку – это ведь привычка, знаете? – Таннинг помолчала. – И мне кажется, что у меня пропало несколько пар нижнего белья.

– Но вы же поменяли замки, верно? – спросила Свифт. – Вы ведь уже вызвали слесаря, когда позвонили в полицию.

Кэтрин виновато посмотрела на нее.

– Я поменяла замок на одной двери, на центральном входе, а замок на двери со двора менять не стала. Это стоило бы на сто фунтов дороже, и я, честно говоря, не видела в этом смысла. Вор никак не мог узнать мой адрес по ключам, и в то время мне это показалось бессмысленной тратой денег.

– А теперь?

На некоторое время воцарилась тишина.

– Теперь я жалею, что не поменяла оба замка.

Грехем возвращается в офис только в три часа дня.

– Задержался с клиентом на обеде, – объясняет он, и по его расслабленному лицу видно, что он не только отобедал, но и выпил пару кружек пива.

– Вы не против, если я схожу на почту, раз вы вернулись?

– Только быстро, через час у меня осмотр помещения.

Я уже наклеила на все конверты марки и перетянула стопки писем резинками, поэтому остается только сложить все в сумку. Я надеваю пальто, а Грехем удаляется в свой кабинет.

На улице так холодно, что дыхание паром вырывается у меня изо рта. Сунув руки в карманы, я прижимаю пальцы к ладоням, чтобы согреться. Телефон вибрирует – я получила новое сообщение, – но он лежит во внутреннем кармане. Ничего, это может подождать.

Стоя в очереди на почте, я расстегиваю пальто и достаю мобильный. Сообщение от Келли Свифт, той полицейской, с которой я говорила.

Вы не могли бы как можно скорее выслать мне свою фотографию?

Означает ли это, что она поговорила с Кэтрин Таннинг? Означает ли это, что она мне верит? Не успеваю я прочесть сообщение, как приходит новое:

Без очков.

Передо мной в очереди стоят шесть человек, за мной – столько же. Свифт просила выслать фото «как можно скорее». Я снимаю очки и настраиваю фотокамеру на мобильном, не сразу вспоминая, как повернуть телефон, чтобы направить объектив себе на лицо. Затем я вытягиваю руку – настолько, чтобы остальные не заметили, как я делаю селфи. Объектив направлен немного вверх, и в таком ракурсе у меня двойной подбородок и мешки под глазами, но я все равно нажимаю на кнопку – и пугаюсь, когда мобильный выдает меня громким щелчком. Какая неловкая ситуация! Кто станет делать селфи на почте? Я отправляю фотографию Свифт и тут же получаю уведомление, что сообщение получено. Я представляю себе, как она сравнивает мой снимок со снимком в «Лондон газетт». Наверное, сейчас она напишет, что мне просто показалось. Но телефон молчит.

Чтобы отвлечься, я пишу Кейти – интересно, как прошло ее собеседование? Оно должно было закончиться несколько часов назад, и я понимаю, что Кейти не связалась со мной из-за того, что я сказала сегодня утром. Я прячу телефон в карман.

Вернувшись в офис, я застаю Грехема перед моим столом: начальник роется в моем ящике. Когда я открываю дверь, он резко выпрямляется и шея у него наливается кровью – не от смущения, а от раздражения, что его застукали.

– Что-то ищите?

Искать ему там нечего. В верхнем ящике лежат конверты, ручки и резинки для скрепления бумаг. Интересно, открывал ли он остальные? В центральном я храню старые записные книжки – они аккуратно сортированы на случай, если мне нужно будет что-то проверить. Нижний ящик – свалка: там спрятаны мои тренировочные штаны (когда-то я думала, что перед уходом домой могу ходить на пробежку на набережную, но потом

забросила эту идею, а штаны так и не забрала домой), запасные колготки, упаковка тампонов. Мне хочется сказать Грехему, чтобы он убрал руки от моих личных вещей, но я знаю, что он мне ответит: мол, это его офис, его стол, его ящики. Если бы Грехем Холлоу сдавал кому-то квартиру, то в день получения оплаты открывал бы дверь своими ключами, не постучавшись.

– Ключи от многоквартирки. В шкафу их нет.

Я подхожу к металлическому шкафчику рядом с архивной картотекой в коридоре. «Многokвартиркой» мы прозвали офисное здание в квартале, где раньше находилась городская АТС. Я смотрю на крючок с подписью «А» – и сразу нахожу ключи.

– Я думала, кварталом АТС занимается Ронан.

Ронан – последний в длинной череде постоянно меняющихся помощников маклера. Все ассистенты – мужчины, поскольку Грехем не верит в способность женщины грамотно провести переговоры. Все они так похожи друг на друга, будто их клонировали на одной и той же фабрике: новый ассистент появляется на следующий же день после того, как уходит старый, и одет он всегда в точно такой же костюм. Помощники в фирме долго не задерживаются – отсюда бегут как хорошие, так и плохие сотрудники.

То ли Грехем не слышит моего вопроса, то ли предпочитает не обращать на него внимания. Забрав ключи и напомнив мне о том, что скоро новые арендаторы офиса в небоскребе «Черчилл Плейс» придут подписать договор, он уходит, звякнув колокольчиком над дверью.

Он не доверяет Ронану, вот в чем проблема. Он никому из нас не доверяет – и поэтому вместо того, чтобы сидеть в офисе, где и должен был бы оставаться, он занимается полевой работой, всех проверяя и всем мешая.

На станции «Кеннон-стрит» полно мужчин в деловых костюмах. Я проталкиваюсь по платформе почти до туннеля – в первом вагоне всегда меньше людей, и, когда мы доедем до станции «Уайтчепел», дверь откроется прямо напротив выхода.

В поезде я подбираю сегодняшний выпуск «Лондон газетт», брошенный на грязной полочке за моим сиденьем, и сразу смотрю рубрику объявлений. Объявление с тем же номером неработающего телефона – 0809 4 733 968 – тут же бросается мне в глаза. На сегодняшнем снимке брюнетка: широкая улыбка, белые зубы и, судя по низу фотографии, большая грудь. На шее у нее тонкая цепочка с маленьким серебряным крестиком.

Знает ли она, что ее фотографию напечатали в рубрике объявлений?

Констебль Свифт со мной так и не связалась, но я уговариваю себя, что отсутствие ответа должно радовать меня, а не тревожить. Она бы сразу же перезвонила, если бы стоило волноваться. Как врач, который непременно позвонит, если анализы плохие. Отсутствие новостей – это уже хорошие новости, верно? Саймон был прав, это не моя фотография в газете.

На станции «Уайтчепел» я делаю пересадку, чтобы сесть на электричку до «Кристал Пэлас». В переходе я слышу сзади шаги. В этом нет ничего удивительного: в метро все звуки искажаются, отражаясь от стен, усиливаясь и переплетаясь, отчего кажется, что по коридору идут, бегут, топчут десятки людей.

Но я не могу отделаться от ощущения, что с этими шагами что-то не так.

Меня преследуют.

Когда мне было восемнадцать, я возвращалась домой из магазина. Тогда я только недавно забеременела Джастином, и грядущее материнство сделало меня невероятно осторожной – на каждом углу мне чудилась опасность. Вот об этот выступ на мостовой я могу споткнуться, вон тот велосипедист меня точно собьет. Я чувствовала такую ответственность за растущую во мне жизнь, что даже дорогу спокойно не могла перейти, не подумав о том, что это опасно.

В тот раз я пошла в магазин за молоком, сказав маме Мэтта, что мне пойдет на пользу прогулка. Мне так хотелось помочь ей, отблагодарить за то, что приняла меня к себе в дом... Уже сгустились сумерки, и по дороге домой я вдруг поняла, что кто-то за мной идет. Я ничего не услышала, просто во мне вдруг вспыхнула уверенность в том, что меня преследуют, – более того, этот человек не хочет, чтобы я его заметила!

Сейчас я ощущаю ту же уверенность.

Тогда я не знала, что мне делать. Я перешла на другую сторону дороги – но преследовавший не отставал. Я слышала его шаги, он догонял меня и уже не прятался. Оглянувшись, я увидела мужчину – парня не старше Мэтта, куртка с капюшоном, руки в карманах, шарф закрывает нижнюю часть лица.

Путь можно было срезать через узкую улочку за рядом домов, не улочку даже, а переулочек. «Так будет быстрее», – решила я. Тогда я не рассуждала логически, мне просто хотелось поскорее оказаться дома, в безопасности.

Свернув за угол, я перешла на бег – и парень последовал моему примеру. Я бросила сумку с молоком, и пластмассовая крышка отлетела в сторону. На мостовой расплылась огромная белая лужа. Через мгновение я тоже упала, ударившись коленками и прикрывая живот ладонями.

Все закончилось очень быстро. Парень наклонился надо мной, обыскал мои карманы, вытащил бумажки и убежал, оставив сидеть на брусчатке. Я успела разглядеть только его глаза.

Шаги приближаются.

Я иду быстрее, заставляя себя не переходить на бег. От неестественной скорости у меня меняется походка, и моя сумка раскачивается из стороны в сторону.

Впереди идут несколько девушек, и я стараюсь догнать их. «Вместе безопаснее», – думаю я. Девушки дурачатся – подпрыгивают, смеются, но они не пугают меня. В отличие от шагов сзади. Они все громче, все ближе.

– Эй!

Голос мужской. Грубый, хриплый. Я прижимаю сумку к груди, чтобы ее не открыли, но тут же впадаю в панику – если ее попытаются отобрать, я упаду. Я вспоминаю, что всегда советовала делать своим детям в таких ситуациях: «Лучше, чтобы тебя ограбили, чем ранили. Не сопротивляйтесь, сразу все отдавайте, – вот что я им говорила. – Ничто не стоит того, чтобы вы пострадали».

Шаги ускоряются. Мужчина перешел на бег.

Я тоже уже бегу, но от паники становлюсь неуклюжей, подворачиваю лодыжку и чуть не падаю. Я слышу тот же голос, но кровь так шумит у меня в ушах, что я не могу разобрать слов. Я слышу только его бег – и собственное дыхание, громкое, болью отдающееся в боку.

Лодыжка болит. Далеко мне не убежать, так зачем даже пытаться?

Я сдаюсь. Поворачиваюсь.

Он совсем молодой – лет девятнадцать-двадцать. Белый. Мешковатые джинсы, кеды,

шлепающие по бетонному полу.

«Я отдам ему свой мобильный – наверняка ему нужен именно мобильный. И деньги. У меня есть с собой деньги?»

Я уже снимаю сумку с плеча, но тут парень меня догоняет. Он ухмыляется, точно наслаждаясь моим страхом, наслаждаясь моей дрожью – пальцы ходят ходуном, и я даже не могу расстегнуть сумку. Я зажмуриваю глаза.

«Просто сделай это. Что бы ты ни задумал, просто сделай это».

Кеды шлепают по полу. Быстрее, громче, ближе.

Парень пробегает мимо меня.

Я открываю глаза.

– Эй! – опять кричит он на бегу. – Эй, сучечки!

Переход сворачивает влево, и парень скрывается из виду, но эхо его шагов доносится со всех сторон, отчего кажется, что он все еще меня преследует. Дрожь не унимается: мое тело не может осознать тот факт, что, невзирая на всю мою уверенность в плохом исходе, ничего не случилось.

Я слышу громкую перебранку, иду вперед и за углом опять вижу того парня. Он догнал компанию девушек, обнимает одну из них, остальные ухмыляются. Они все говорят одновременно, их восторженная болтовня достигает крещендо, когда они раздражаются визгливым, как у гиен, смехом. Лодыжка ноет.

Теперь я иду медленнее – не только из-за боли в ноги, но и потому, что пусть теперь я и понимаю, что никакая опасность мне не угрожала, мне все равно не хочется проходить мимо этой стайки молодежи, которая так меня перепугала.

«Не каждый, кто идет за тобой, преследует тебя, – говорю я себе. – Не каждый, кто бежит, пытается тебя поймать».

На выходе со станции «Кристал Пэлас» со мной заговаривает Меган, но я так рада, что вышла на свежий воздух, и так сержусь на себя за нервотрепку на ровном месте, что пропускаю ее фразу мимо ушей.

– Прости, что ты сказала?

– Надеюсь, ваш день прошел хорошо.

В футляре из-под гитары все еще меньше десятка монеток. Когда-то Меган сказала мне, что периодически вытаскивает оттуда монетки, особенно фунты и пятидесятипенсовики: «Люди не подают милостыню, если видят, что у тебя и так все в порядке».

– Отлично, спасибо, – отвечаю я. – Увидимся завтра утром.

– Буду ждать!

Есть что-то успокаивающее в том, что я встречаю ее каждый день.

В конце Энерли-роуд я миную открытую калитку и поднимаюсь на ярко окрашенное крыльцо. Дверь распаивается – при выходе из метро я отправила Мелиссе сообщение: «Может, чаю выпьем?»

– Я уже поставила чайник, – говорит она.

На первый взгляд дом Мелиссы и Нейла ничем не отличается от моего: та же небольшая прихожая, дверь справа ведет в гостиную, напротив входной двери – лестница на второй этаж. Но на этом сходство заканчивается. С задней стороны дома, где у меня расположена тесная кухонька, у Мелиссы – просторное помещение, расширенное за счет выдающейся в

сад пристройки с двумя огромными окнами в крыше и раздвижной дверью во всю ширину стены.

Я следую за ней в кухню. Нейл сидит за стойкой, глядя на экран ноутбука. Стол Мелиссы – у окна, и хотя у Нейла есть рабочий кабинет на втором этаже дома, он часто сидит с женой в кухне.

– Привет, Нейл.

– Привет, Зоуи. Как дела?

– Неплохо. – Я колеблюсь, не зная, поделиться ли с друзьями историей о «Лондон газетт». Не зная даже, смогу ли я все объяснить. Правда, может быть, если я расскажу о случившемся, они помогут мне разобраться? – Но произошло кое-что странное. Я увидела в «Лондон газетт» фотографию женщины, которая выглядит в точности как я.

Я смеюсь, но Мелисса отставляет чайник и внимательно смотрит на меня. Мы провели вместе слишком много времени, чтобы я могла ее обмануть.

– Ты как?

– В порядке. Это всего лишь фотография, не более того. Реклама сайта знакомств или что-то в этом роде. Но на снимке в этом рекламном объявлении – я. Ну, или так мне показалось.

Теперь уже и Нейл растерянно смотрит на меня. Неудивительно. Все это не имеет смысла. Я вспоминаю парня, пытавшегося догнать своих приятельниц в переходе метро, и радуюсь, что никто не видел, как я отреагировала. Может быть, у меня что-то вроде кризиса среднего возраста? И из-за этого начинаются панические атаки, когда мне на самом деле ничего не угрожает?

– Когда это случилось? – спрашивает Нейл.

– В пятницу вечером.

Я обвожу взглядом кухню, но, естественно, выпуска «Лондон газетт» здесь нет. У меня дома корзина для бумаг постоянно забита газетами и картонками, но Мелисса всегда вовремя выносит мусор.

– В рубрике объявлений. Там был только номер телефона, адрес в Интернете и фотография.

– Твоя фотография, – уточняет Мелисса.

– Ну, фотография очень похожей на меня женщины. Саймон сказал, что у меня, наверное, появился двойник.

Нейл смеется:

– Но ведь ты бы себя узнала, верно?

Я сажусь рядом с ним за стойку, и он закрывает ноутбук, чтобы не мешать.

– Казалось бы, да. Когда я увидела газету в метро, то была уверена, что это моя фотография. Но к тому моменту, как я вернулась домой и показала остальным, былой уверенности уже не осталось. В смысле, откуда моей фотографии взяться в газете?

– А ты позвонила по указанному номеру? – Мелисса опирается на столик напротив нас, позабыв о кофе.

– Он не работает. Как и веб-сайт. «Найдите Ту Самую», что-то в этом роде. Но там просто выпадает белая страница с полем для пароля в центре.

– Хочешь, я посмотрю?

Нейл занимается чем-то, связанным с программированием. Не знаю точно чем, но когда-то он подробно мне все объяснял, поэтому мне стыдно за то, что я не помню.

– Все в порядке, честно. Тебе и своей работы хватает.

– Это уж точно, – с сожалением замечает Мелисса. – Завтра он едет в Кардифф, а потом до конца недели будет работать в здании парламента. Мне повезет, если мы за это время хоть ненадолго увидимся.

– Парламент? Ничего себе. И как там?

– Скучно. – Нейл ухмыляется. – По крайней мере в той части здания, где я буду работать. Я устанавливаю там новые антивирусные программы, поэтому вряд ли увижу премьер-министра или что-то в этом роде.

– Документация за октябрь готова? – спрашиваю я Мелиссу, вдруг вспомнив, зачем, собственно, пришла.

Она кивает:

– На столе, лежит поверх оранжевой папки.

Стол у Мелиссы белый и блестящий, как и все в кухне. В центре – огромный аймак, над столом – полка со всеми документами по кафе. На столе я вижу подставку для ручек, которую Кейти когда-то сделала на уроке труда в школе.

– Поверить не могу, что ты ее сохранила.

– Ну конечно! Так мило, что Кейти вырезала ее для меня.

– Отличную оценку за нее она так и не получила, – вспоминаю я.

Когда мы переехали сюда и поселились рядом с Мелиссой и Нейлом, с деньгами было туго – просто ужасно. В «Теско» мне могли предложить больше смен, но поскольку уроки в школе заканчивались в три, я не могла выйти на работу. Пока не вмешалась Мелисса. В то время у нее было всего одно кафе, и после обеда она его закрывала. Она забирала детей из школы, и они сидели у нее дома, смотрели телевизор, а Мелисса заказывала продукты на следующий день. Мелисса пекла с Кейти пироги, Нейл показал Джастину, как поставить на материнскую плату блок оперативной памяти, а я смогла оплатить ипотеку за дом.

На оранжевой папке, под сложенной картой метро и блокнотом, исписанным аккуратным почерком Мелиссы, я нахожу стопку счетов. Блокнот раздулся от набитых в него бумажек.

– Очередные планы мирового господства? – шучу я, указывая на записи, и вдруг замечая, как Нейл и Мелисса переглядываются. – Ох, простите. Не смешно?

– Все дело в новом кафе. Нейл не в таком восторге от этой идеи, как я.

– Я нормально отношусь к идее нового кафе, – возражает Нейл. – Меня скорее не прельщают перспективы банкротства.

– Не любишь ты рисковать. – Мелисса закатывает глаза.

– Знаете, я, наверное, откажусь от чая, – говорю я, забирая счета.

– Ой, останься. Мы не будем ссориться, обещаю.

– Дело не в этом, – смеюсь я, хотя на самом деле и в этом тоже. – Просто мы с Саймоном сегодня идем в ресторан.

– В будний день? А какой повод?

– Просто так, без повода. – Я улыбаюсь. – Просто немного романтики в понедельник.

– Вы как подростки.

– Они еще на первых этапах влюбленности. Мы тоже были такими. – Нейл подмигивает Мелиссе.

– Серьезно?

– Подожди, пока они проживут вместе лет семь, Мел. Тогда они будут смотреть

телевизор в постели и спорить, кто из них забыл закрыть зубную пасту.

– Мы и это тоже делаем, – смеюсь я. – До встречи!

Когда я прихожу домой, входная дверь не заперта, а на вешалке перед лестницей красуется пиджак Саймона. Я поднимаюсь на чердак.

– Почему ты сегодня так рано?

– Привет, красавица. Не слышал, как ты пришла. Как прошел твой день? Я не мог сосредоточиться на работе, поэтому пошел доделывать все домой.

Он встает поцеловать меня, стараясь не удариться головой о низкий потолок. Предыдущие владельцы дома переоборудовали чердак в рабочий кабинет, но решили сэкономить и не стали менять стропила, поэтому, хотя комната довольно большая, нормально стоять тут можно только в центре.

Я смотрю на стопку бумаг: наверху лежит какой-то список имен с короткими биографическими данными к каждому.

– Готовлюсь к интервью для статьи, которую мне нужно написать, – объясняет Саймон, заметив мой взгляд. Он поднимает бумаги и перекладывает их на другую сторону, чтобы я могла присесть на край стола. – Уследить за всем – сущий кошмар.

– Не знаю, как тебе удастся тут что-то найти.

Может, в ящиках на работе у меня и царит хаос, но стол всегда практически пуст, только стоит лоток для бумаг, фотография Кейти и Джастина и цветок в горшке. Уходя домой, я всегда убираю на столе – и пишу список заданий на следующий день, даже если часть из них выполняю на автопилоте. Просмотреть почту, прослушать сообщения на автоответчике, заварить чай...

– Это организованный хаос. – Саймон садится в крутящееся кресло перед столом и хлопывает себя по колену, приглашая меня присесть.

Засмеявшись, я сажусь, обнимаю его за шею, целую и позволяю себе расслабиться на мгновение, прежде чем отстраниться.

– Я заказал столик в «Белла Донна».

– Идеально.

Я не трачу много денег. Не транжирю фунты на одежду и косметику, и если дети хотя бы вспоминают о моем дне рождения, для меня это лучший подарок. Мэтт не любил романтику, все эти конфеты и цветы, даже когда мы были совсем молодыми. Да и я тоже. Саймон посмеивается над моим цинизмом, утверждая, что в конце концов моя романтическая натура проявится. Он меня балует, и мне это нравится. Спустя столько лет, когда нам едва хватало на еду, обед в ресторане – все еще роскошь, но главное удовольствие – это проведенное вдвоем время. Только он и я.

Я принимаю душ, мою голову и наношу капельки духов на запястья, чувствуя их тонкий аромат в воздухе. Надеваю платье, которое давно не носила, и с удовлетворением отмечаю, что оно мне все еще по размеру. Достаю черные туфли на каблуках из коробки внизу шкафа. Когда Саймон переехал сюда, я сдвинула свою одежду, чтобы он мог развесить в шкафу костюмы, но места все равно не хватило, и часть его вещей хранится в кабинете на чердаке. В доме три спальни, но все они крохотные: у Джастина едва хватает места на одного человека, а у Кейти почти все пространство занимает двуспальная кровать.

Саймон ждет меня в гостиной. Он надел пиджак и галстук и выглядит сейчас в точности так же, как в момент нашей первой встречи, когда он пришел в «Холлоу и Рид». Помню, он

тогда тепло улыбнулся в ответ на мое вежливое приветствие.

– Я из газеты «Телеграф», – сказал он. – Мы собираемся выпустить статью о повышении цен на аренду офисных помещений: средний бизнес теснят по всем фронтам, в таком стиле. Было бы здорово, если бы вы рассказали мне о состоянии спроса и предложения на данный момент.

Он заглянул мне в глаза, и я, вспыхнув, спряталась за папкой с документами, отыскивая десяток подходящих ему случаев куда дольше, чем требовалось.

– Вот это может вас заинтересовать. – Я села за свой стол, положив между нами документы. – Тут раньше был магазин подарков, но цена за аренду поднялась, и помещение пустовало полгода. Со следующего месяца там откроется офис Британского благотворительного фонда по борьбе с сердечными заболеваниями.

– Я мог бы поговорить с владельцем здания?

– Я не имею права сообщать вам его личные данные, но если вы дадите мне ваш номер телефона, то я передам ему вашу просьбу. – Я опять покраснела, хотя мое предложение было совершенно резонным.

Между нами пробежала искра, и я была уверена, что мне не показалось.

Саймон, шурясь, записал свой номер, и я подумала, что он, похоже, обычно носит очки, но сегодня то ли забыл их, то ли постеснялся надеть: тогда я еще не знала, что он всегда так щурится, когда сосредоточен на чем-то. Волосы у него уже тогда были седыми, хотя и не такими редкими, как сейчас. С тех пор прошло четыре года. Высокий, худощавый, он удобно устроился на узком стуле за моим столом, скрестив ноги. Из-под рукава темно-синего пиджака чуть выглядывали белоснежные манжеты рубашки с серебряными запонками.

– Спасибо за помощь.

Он, похоже, не торопился уходить – да и мне не хотелось с ним расставаться.

– Не за что. Было приятно познакомиться.

– Итак... – Саймон пристально посмотрел на меня. – У вас есть мой номер... Может быть, вы согласитесь дать мне свой?

На Энерли-роуд мы ловим такси, хотя ехать нам недалеко. Я замечаю облегчение на лице Саймона, когда таксист останавливает машину у тротуара и Саймон видит его лицо. Однажды, когда мы с Саймоном только начали встречаться, мы запрыгнули в черное такси, накрыв головы плащами от дождя. И только когда мы отдышались, я увидела лицо Мэтта в зеркале заднего вида. На секунду я подумала, что Саймон захочет выйти, но он просто смотрел в окно. Всю дорогу мы проехали в молчании. Даже Мэтт, который кого хочешь до смерти заговорит, не пытался поддерживать беседу.

В этом ресторане мы уже были пару раз, и метрдотель приветствует нас по имени, когда мы заходим. Он проводит нас к столику у окна и вручает меню, которое мы и так знаем на память. Рамы картин и люстры оплетает рождественская мишура.

Мы заказываем то же, что и всегда: Саймону – пиццу, мне – спагетти с морепродуктами. Заказ подают слишком быстро, значит, они приготовили все заранее.

– Я посмотрела объявления в «Лондон газетт» сегодня утром. У Грехема полно выпусков в кабинете.

– Тебя не повысили до третьей страницы? – Саймон надрезает пиццу, и жир тонкой струйкой стекает на тарелку.

– Не уверена, что для этого у меня хватило бы квалификации, – смеюсь я. – Как бы то ни

было, я узнала женщину в другом объявлении.

– Узнала? В смысле, это какая-то твоя знакомая?

Я качаю головой.

– Я видела ее фотографию в другой газете, в статье о преступности в метро. Я сообщила об этом в полицию. – Я стараюсь говорить непринужденно, но голос меня выдает. – Мне страшно, Саймон. Что, если в пятничном выпуске действительно была моя фотография?

– Это не так, Зоуи. – Саймон обеспокоен, но не потому, что кто-то напечатал мой снимок в газете. Он волнуется, потому что я *так думаю*.

– Я это не выдумала.

– Может, у тебя много стресса на работе? Из-за Грехема?

Он думает, что я схожу с ума. И я склонна с ним согласиться.

– Та женщина на снимке действительно очень на меня похожа, – тихо говорю я.

– Я знаю. – Саймон откладывает нож и вилку. – Я тебе вот что скажу. Предположим, это действительно твоя фотография.

Так Саймон решает проблемы. Пытается докопаться до самой сути. Несколько лет назад соседей на нашей улице ограбили. Кейти была уверена, что после этого грабители вломятся и в наш дом, и от этого потеряла сон. Когда ей все-таки удавалось уснуть, ей снились кошмары и она просыпалась, крича, что в комнате кто-то есть. Я не знала, что делать. Я перепробовала все, даже сидела с ней перед сном, как в детстве. Саймон подошел к проблеме более практично. Он повел Кейти в строительный гипермаркет, где они купили замки на окна, охранную сигнализацию и дополнительный засов на калитку в саду. Вместе они установили все это в доме, даже водопроводные трубы покрыли специальной краской, чтобы по ним было скользко подниматься. Кошмары сразу прекратились.

– Ладно, – согласилась я. Меня даже немного развеселила эта игра. – Допустим, это действительно моя фотография.

– Откуда она взялась?

– Не знаю. Я задавала себе тот же вопрос.

– Ты бы заметила, если бы кто-то тебя сфотографировал, верно?

– Может, он пользовался длиннофокусным объективом, – говорю я, понимая, как смешотворно это звучит. Что дальше? Папарацци под домом? Мотоциклист, мчащийся мимо меня, за спиной у него – фотограф, склонившийся на одну сторону, чтобы кадр вышел удачным? Саймон не смеется, но когда я, смущенно улыбаясь, признаю абсурдность своего предположения, он позволяет себе улыбнуться.

– Кто-то мог украсть ее, – говорит он уже серьезнее.

– Да! – Такой вариант кажется более правдоподобным.

– Ладно, давай представим себе, что кто-то воспользовался твоим снимком, чтобы рекламировать услуги своей фирмы. – Когда мы вот так обсуждаем объявление, спокойно и рационально, я чувствую, как тревога угасает. Как Саймон и хотел. – Тогда речь идет о краже личных данных, правильно?

Я киваю. Благодаря названию этого явления – к тому же такому знакомому – проблема не кажется такой уж личной. Каждый день совершаются сотни, а может, и тысячи преступлений, включающих мошенничество с личными данными. В «Холлоу и Рид» приходится оставаться настороже: мы тщательно проверяем все удостоверения личности и принимаем только оригиналы документов или нотариально заверенные копии. Удивительно легко взять чью-то фотографию и выдать ее за свою собственную.

Саймон все еще пытается разобраться в том, что случилось.

– Подумай вот о чем: может ли это тебе навредить? Больше, чем, скажем, использование твоего имени для открытия банковского счета? Или подделка твоих документов?

– Это... непривычнее.

Саймон подается вперед и накрывает мою руку ладонями.

– Помнишь, как у Кейти была проблема в школе с той компанией девчонок?

Я киваю. Напоминание о той истории вот уже в который раз вызывает во мне волну ярости. Когда Кейти было пятнадцать, ее начали задирать три одноклассницы. Они создали в «Инстаграме» страничку от ее имени и выкладывали там обработанные в «Фотошопе» фотографии: голые мужчины и женщины, персонажи фильмов – все с лицом Кейти. Глупая ребячливая выходка, не более того, но Кейти очень расстроилась, когда в конце четверти все это начало набирать обороты.

– Что ты ей сказала тогда?

«Это не должно тебя задевать. Не обращай на них внимания. Они не могут причинить тебе вред», – вот что я ей сказала.

– Насколько я понимаю, – говорит Саймон, – возможны всего два объяснения. Либо на фотографии женщина, которая просто похожа на тебя, хоть и не так умопомрачительно красива...

Я улыбаюсь, несмотря на незамысловатость комплимента.

– Либо речь идет о краже личных данных, которая, пусть и раздражает тебя, на самом деле никак тебе не навредит.

С такой логикой сложно спорить. Но тут я вспоминаю о Кэтрин Таннинг – и рассказываю о ней, точно она мой джокер в покере.

– У женщины, фотографию которой я видела в газете, украли ключи в метро.

Саймон ждет объяснения, удивленно глядя на меня.

– Это случилось после того, как ее снимок напечатали на странице объявлений. Как и мою фотографию. – Я поспешно поправляюсь: – Фотографию похожей на меня женщины.

– Совпадение! У скольких наших знакомых что-то вытаскивали в метро? У меня однажды бумажник украли. Такое происходит каждый день, Зоуи.

– Наверное.

Я знаю, о чем думает Саймон. Ему нужны доказательства. Он журналист и привык иметь дело с фактами, а не с домыслами или паранойей.

– Как думаешь, может, газета попробует расследовать этот случай?

– Какая газета? – Он видит выражение моего лица. – Моя газета? «Телеграф»? Ох, Зоуи, вряд ли.

– Почему нет?

– Из этого не сделаешь статью. В смысле, я понимаю, что ты обеспокоена, и действительно произошло что-то странное, но едва ли эту историю можно преподнести как новости, если ты понимаешь, о чем я. Кражей личных данных никого не удивишь, честно говоря.

– Но ты мог бы взяться за это, правда? Выяснить, кто за этим стоит?

– Нет.

Саймон отвечает настолько резко, что я понимаю: разговор окончен. Зачем я вообще начала об этом говорить? Раздула из мухи слона, сама себя накрутила... Я отщипываю кусочек чесночного хлеба и подливаю себе вина – я и не заметила, как выпила весь бокал.

Наверное, стоит что-то предпринять, чтобы снизить уровень тревожности. Заняться медитацией. Записаться на йогу. Я превращаюсь в невротика и уж точно не хочу, чтобы это сказалось на моих отношениях с Саймоном.

– Кейти рассказала тебе о собеседовании?

Я благодарна Саймону за то, что он сменил тему. И за тепло в его голосе – значит, он не сердится на меня за мою паранойю.

– Она не отвечает на мои сообщения. Я сегодня утром сказала ей кое-что глупое.

Саймон приподнимает бровь, но я не вдаюсь в подробности.

– А ты с ней говорил? – спрашиваю я, пытаюсь скрыть горечь в голосе. В молчании Кейти я могу винить только себя.

– Она прислала мне сообщение.

Теперь я поставила его в неловкое положение. И быстро пытаюсь это исправить.

– Здорово, что она захотела поделиться с тобой. Честно. По-моему, это замечательно.

И я не кривлю душой. До переезда Саймона, когда у нас уже были серьезные отношения, я старалась устраивать ситуации, когда он оставался с детьми наедине: делала вид, что что-то забыла в своей комнате, или шла в туалет, хотя мне и не нужно было. Я надеялась, что вернусь – и обнаружу, что они весело болтают. Мне обидно, что Кейти не связалась со мной, но я рада, что она захотела написать Саймону.

– И как, ее взяли?

– Я почти ничего не знаю. Агентство не предложило ей работу, но она с кем-то там познакомилась, и, похоже, ей могут предложить роль.

– Это же замечательно! – Мне хочется достать телефон и тут же написать Кейти, сказать, как я горжусь ею, но я пересиливаю себя. Лучше поздравить лично.

Я рассказываю Саймону о новом кафе Мелиссы и о контракте Нейла в парламенте. Ко времени десерта мы заказали еще бутылку вина, и я вдосталь насмеялась: Саймон рассказывал байки времен своей журналистской молодости.

Саймон оплачивает счет, оставляя щедрые чаевые, и собирается поймать такси, но я его останавливаю:

– Давай пройдемся пешком.

– С нас возьмут не больше десяти фунтов.

– Нет, мне просто хочется прогуляться.

И мы идем по улице. Я беру Саймона под руку. Дело не в цене за проезд на такси, мне просто хочется еще немного продлить этот вечер. У светофора Саймон целует меня, и мы не замечаем, как включается зеленый свет. Приходится еще раз нажимать на кнопку.

Я просыпаюсь в шесть утра с похмелья. Спускаюсь в кухню в поисках воды и аспирина, включаю «Скай Ньюс» и набираю воду из-под крана. Жадно осушив стакан, я наливаю себе еще, держась за край кухонной раковины. Меня шатает. Я редко позволяю себе спиртное среди недели – и сейчас вспоминаю почему.

Сумка Кейти стоит на столе. Когда мы с Саймоном вернулись вчера вечером, дети уже спали, и мы еще хихикали оттого, что пытаемся тихонько пробраться в свою комнату, чтобы никого не разбудить. Рядом с чайником лежит сложенный вдвое лист бумаги с надписью «Маме». Я открываю записку, морщась от головной боли.

Я получила свою первую актерскую работу! Очень хочется всё-превсё тебе

Несмотря на похмелье, я улыбаюсь. Она простила меня, и я решаю полностью поддержать Кейти, когда она расскажет мне о новой работе. Никаких упоминаний о секретарских курсах или запасном плане. Интересно, что ей предложили? Подработку? Или настоящую роль? В театре, наверное, – хотя я позволяю себе помечтать о том, что Кейти получила работу на телевидении. Роль в какой-нибудь мыльной опере позволит ей получить известность.

Ведущая «Скай Ньюс» Рейчел Лавлок рассказывает о расследовании убийства: жертва – женщина из района Масвелл-Хилл. Может, Кейти могла бы стать диктором на телевидении. Внешность у нее подходящая. Конечно, новости – это не для нее, зато она могла бы стать ведущей какой-нибудь музыкальной передачи или передачи о знаменитостях, как «Свободные женщины» или «По делу». Я наливаю себе еще стакан воды и опираюсь на кухонный стол, глядя на экран.

Передача переключается на репортаж с места событий, и журналистка в теплой куртке, сжимая в руке микрофон, рассказывает о случившемся, сменив Рейчел Лавлок. На экране появляется фотография жертвы: Таня Бекетт не выглядит намного старше Кейти, хотя, согласно словам журналистки, ей уже исполнилось двадцать пять. Ее парень разволновался, когда Таня не вернулась домой после работы, и обратился в полицию. Под утро ее тело нашли в парке, в сотне ярдов от дома.

Может быть, дело в похмелье, а может быть, я еще не до конца проснулась, но я с минуту смотрю на фотографию на экране и только потом узнаю эту девушку: темные волосы, улыбка, пышная грудь. Цепочка с серебряным крестиком.

Только тогда я понимаю.

Это женщина из вчерашнего объявления.

* * *

Насколько быстро ты бегаешь?

Когда это действительно необходимо?

На каблуках, в юбке, с сумкой, бьющейся о бок: насколько быстро ты бегаешь?

Когда ты опаздываешь на электричку, тебе нужно успеть домой, и ты несешься по платформе, зная, что дверь закроется через пару секунд: насколько быстро ты бегаешь?

А если ты бежишь не к двери вагона? Если ты бежишь, чтобы спасти свою жизнь?

Если ты поздно возвращаешься домой и вокруг никого нет? Если ты не зарядила телефон и никто не знает, где ты? Если шаги за твоей спиной приближаются и ты знаешь, что, как и всегда, можешь полагаться только на себя? Если между платформой метро и выходом – ни души?

Если ты уже чувствуешь чужое дыхание на шее, если в тебе поднимается волна паники, если вокруг темно, холодно, сыро?

Если вас тут только двое?

Ты – и тот, кто за твоей спиной?

Тот, кто гонится за тобой?

Как быстро ты побежишь?

Это не имеет значения.

Потому что всегда найдется тот, кто догонит тебя.

Рука зажимала рот Келли. Она чувствовала, как ладонь давит ей на лицо, ощущала вкус пота на пальцах, скользнувших ей в рот. На нее навалилось тяжелое тело, колено раздвинуло ей ноги. Она пыталась кричать – но крик застрял в горле, наполняя грудь паникой. Келли пыталась вспомнить полицейскую подготовку – их учили, как действовать в целях самозащиты, – но сознание отказывалось повиноваться, тело будто парализовало.

Рука исчезла, но облегчение было недолгим. Чужой рот впился в ее губы поцелуем, язык протиснулся к нёбу.

Келли слышала его дыхание – тяжелое, возбужденное. И стук.

– Келли?

Опять стук.

– Келли, с тобой все в порядке?

Дверь спальни распахнулась, и давление на грудь исчезло. Она наконец-то сумела вздохнуть.

– Тебе опять приснился кошмар.

Келли едва сумела отдышаться. В комнате было темно, и только из дверного проема лился свет. Тень соседки протянулась по полу.

– Который час?

– Половина третьего.

– Господи, прости, пожалуйста. Я тебя разбудила?

– Нет, я только что вернулась с ночной смены. Ты как, в порядке?

– Да, спасибо.

Дверь закрылась. Келли лежала в темноте, чувствуя, как капельки пота стекают между грудей. Прошло десять лет с тех пор, как она сидела в полицейском участке, сжимая руку Лекси, и слушала ее показания, а потом смотрела на сестру на экране камеры, когда ее историю о том, что случилось, записывали на видео. Она смотрела, как ее сестренка плачет, рассказывая о каждой подробности происшедшего. Каждой унижительной, болезненной подробности.

«Я не хочу, чтобы мама и папа слышали все это», – сказала тогда Лекси.

Однажды, годы спустя, Свифт спросила сестру, не снятся ли ей кошмары. Спросила будто невзначай, словно только что подумала об этом. Точно Келли не вскидывалась от кошмаров, в которых насильник наваливался на нее, запуская в нее пальцы.

«Один раз приснился, – ответила Лекси. – Через пару дней после случившегося. Но больше их не было».

Подушка Келли пропиталась потом, и пришлось, сбросив ее на пол, положить голову на простыню. Сегодня у Свифт выходной. Нужно съездить проведать Лекси, поужинать с племянниками. Но вначале ей предстоит кое-что уладить.

Офис «Лондон газетт» находился неподалеку от станции «Шефердс-Буш», в огромном, но некрасивом здании, где располагались редакции еще нескольких газет. Келли показала на проходной удостоверение и уселась в стильное, но весьма неудобное кресло, ожидая, пока ее примут, и стараясь не обращать внимания на нарастающую внутри тревогу. Да, она в свое свободное время занималась расследованием – но разве есть что-то предосудительное в том,

чтобы работать сверхурочно, еще и не требуя за это оплату?

Но даже Келли такое объяснение не казалось убедительным. Кража ключей у Кэтрин Таннинг – не ее дело, и Свифт должна была доложить о новых фактах сержанту спецподразделения.

Как она и поступит, когда появятся какие-нибудь конкретные данные. У спецподразделения, как и во всей полиции, ресурсы ограничены. Без неоспоримых фактов делом Кэтрин в ближайшее время никто не займется. Кто-то должен был взять это на себя.

За три месяца до изнасилования Лекси обратилась в полицию. Кто-то оставлял цветы под ее дверь в студенческом общежитии и подбрасывал ей в ящик записки, в которых расхваливал ее вчерашний наряд.

«Похоже, у вас появился поклонник», – сказал ей дежурный. Лекси пожаловалась ему, что ее это пугает. Мол, она боится отдергивать шторы у себя в комнате, опасаясь, что кто-то подсматривает за ней.

Когда из комнаты пропали кое-какие ее личные вещи, полиция прислала следователя. Задokumentировали кражу. Но была ли Лекси уверена, что заперла дверь? Следов взлома на замке не было. Почему она думала, что ее вещи украл тот же человек, который оставлял ей цветы и записки? Ничто не указывало на связь этих событий.

Неделю спустя Лекси возвращалась в общежитие с поздних пар и услышала за спиной шаги – слишком размеренные, слишком близко. На этот раз она не стала обращаться в полицию. Какой смысл?

Когда это повторилось на следующей неделе, Лекси подумала, что в полицию все-таки придется пойти. Волоски на ее руках встали дыбом, страх сдавил горло – и она поняла, что ей не просто показалось. Кто-то преследовал ее.

Но было уже слишком поздно. Он ее догнал.

Келли вспоминала меры предотвращения преступлений, которые применяла полиция за девять лет ее работы в Лондоне. Постеры, листовки, пропаганда систем предупреждения о нападении, образовательные программы. Но на самом деле все было намного проще. Полиции следовало бы слушать жертвы. Верить им.

– Инспектор Свифт? – Склонив голову к плечу, к Келли шла какая-то женщина.

Свифт не стала ее поправлять. Она была в штатском, и неудивительно, что ее приняли за следователя, а не за патрульную.

– Меня зовут Тамира Баррон, я глава рекламного отдела. Поднимемся в кабинет?

Стены на шестом этаже украшали рекламные объявления за последнюю сотню лет, вставленные в прочные дубовые рамочки. Келли заметила рекламные листовки мыла «Перлс», брильянтина «Брилкрим» и газировки «Санни Дилайт».

– Я подготовила ответ на направленный вами запрос, – сказала Баррон, когда они сели за стол в кабинете. – Но я все еще не понимаю, как это связано с вашим расследованием грабежа.

Преступление было совершено без насилия и тайно, значит, хищение ключей квалифицировалось как кража, но Келли решила оставить этот факт без внимания, полагая, что тяжесть преступления может быть пропорциональна желанию Тамиры помочь. Кроме того, если Кэтрин права и преступник действительно проследил за ней, а затем воспользовался ее ключами для проникновения в дом, то речь могла идти о чем-то куда более серьезном. Келли бросило в дрожь при мысли о том, как кто-то крадет по дому

Кэтрин. Что он делал? Обнюхивал ее косметику? Воровал ее трусики? Кэтрин сказала, мол, ей показалось, что в ее доме кто-то был перед ее возвращением с работы. Но что, если это произошло не один раз? Келли представила себе, как преступник тихо проходит по кухне Кэтрин, в темноте поднимается к ее спальне, стоит у кровати и смотрит, как она спит.

– Жертва находилась на Центральной линии в момент совершения преступления, – сказала Свифт. – Преступник забрал у нее ключи, и мы полагаем, что он воспользовался ими для проникновения в ее дом. Фотография жертвы вышла в рубрике объявлений в вашей газете за два дня до инцидента.

Она надеялась, что Кэтрин к этому моменту сменила замок на второй двери. Но будет ли этого достаточно, чтобы обеспечить ее безопасность? Келли не знала.

– Понятно. Видите ли, произошло небольшое недоразумение. – Тамира все еще улыбалась, но отвела взгляд и нервно поерзала в кресле. – Существует определенный протокол, которому нужно следовать, принимая подобные объявления: компании должны быть лицензированы и при размещении рекламы обязаны предоставлять рекламодателю – в данном случае нам – номер своей лицензии. Откровенно говоря, мы избегаем сотрудничества с компаниями, предлагающими секс по телефону и подобные услуги. Возможно, вы заметили, что эта рубрика в газете очень маленькая. Я склонна называть их необходимым злом.

– Почему необходимым? – любопытно спросила Свифт.

Баррон посмотрела на нее так, будто ответ очевиден.

– Они хорошо платят. Большинство таких услуг – секс по телефону, эскорт-услуги, службы знакомств – рекламируются в Интернете, но и у печатной версии нашей газеты много читателей, а оплачивается она благодаря рекламе. Как вы понимаете, секс-индустрия тесно связана с различными правонарушениями, поэтому наша газета следит за тем, чтобы у нас размещалась реклама только лицензированных фирм. – Тамира опять отвела взгляд.

– Но в данном случае протокол был нарушен, верно?

– Боюсь, что так. Клиент впервые пришел к нам в конце сентября и подал рекламные объявления на весь октябрь. В конце месяца он принес новый список объявлений, на этот раз на ноябрь. С данным клиентом работал новый сотрудник, мужчина по имени Бен Кларк, и он передал рекламу в печать, не спросив у клиента номер лицензии.

– Такое допускается?

– Ни в коем случае.

– Я могу поговорить с этим Беном?

– Я передам вам данные из отдела кадров. Кларк уволился пару недель назад – к сожалению, у нас часто сменяются сотрудники.

– Как клиент заплатил вам? – уточнила Свифт.

Тамира сверилась с записью в блокноте.

– Кредитной картой. Мы можем передать вам эти данные, как и адрес клиента, безусловно, но для этого с вашей стороны мне потребуется официальный запрос на разглашение личной информации.

– Конечно.

Проклятье! Баррон так быстро согласилась встретиться с Келли, и та надеялась, что Тамира просто отдаст ей документы. Для официального запроса потребуется подпись начальника отдела, а ее Свифт не получит, не объяснив, почему ведет это расследование.

– Тем временем, может быть, вы могли бы передать мне копии этих объявлений – тех,

что уже напечатаны, и тех, которые должны выйти в следующих выпусках? – Келли смотрела Баррон в глаза, стараясь сохранять невозмутимый вид.

– Официальный запрос... – начала женщина.

– ...необходим для разглашения личных данных, таких как адрес и номер кредитной карты. Это я понимаю. Но в этих объявлениях нет личных данных, верно? И мы говорим о возможной серии преступлений.

Сердце Келли так гулко стучало в груди, что Тамира, должно быть, это слышала. Нужен ли официальный запрос для получения этих объявлений, Свифт не помнила и мысленно скрестила пальцы, чтобы и Баррон этого не знала.

– Серия преступлений? Были и другие грабежи?

– Боюсь, я не могу вам этого рассказать.

«Это конфиденциальная информация», – хотелось добавить Келли.

На некоторое время воцарилось молчание.

– Я сниму копии с объявлений и отправлю кого-нибудь с ними на проходную. Вы можете подождать там.

– Спасибо.

– Безусловно, мы уже поговорили со всеми сотрудниками о необходимости придерживаться протокола.

– Замечательно. Вы отмените публикацию новых объявлений, я полагаю?

– Отменим?

– Я говорю об объявлениях, оставленных тем же клиентом. Вы не можете их напечатать.

Весьма вероятно, что они связаны с совершением ряда преступлений против женщин.

– Я понимаю, но при всем уважении, защищать людей – это ваша задача, не моя. Моя задача – выпускать газету.

– Быть может, вы могли бы отложить публикацию на пару дней? Не отменить полностью, а... – Свифт осеклась, осознав, что ведет себя непрофессионально.

Ей нужны были неоспоримые доказательства того, что объявления связаны с преступной деятельностью. Да, существовала некая связь между кражей ключей у Кэтрин Таннинг и публикацией объявления, но Зоуи Уолкер не стала жертвой преступления. Этого было недостаточно.

– Боюсь, что нет. Клиент заплатил вперед. Мне придется получить разрешение от начальства, чтобы аннулировать контракт. Разве что у вас есть судебный ордер...

Лицо Тамиры оставалось спокойным, но во взгляде читалось напряжение, и Свифт решила не рисковать. Она вежливо улыбнулась:

– Нет, судебного ордера у меня нет. Пока что.

Едва Келли нажала на кнопку звонка, как за дверью раздались восторженные вопли племянников, бросившихся встречать любимую тетю. Пятилетний Альфи был одет в костюм Человека-Паука, но на голове у него почему-то красовался шлем викинга.

Его трехлетний братик Фергюс в футболке с обожаемыми им миньонами из мультфильма «Гадкий Я» выбежал встречать тетю босиком, смешно переставляя толстенные ножки.

[Купить полную версию книги](#)

[\[i\]](#) В 2014 г. манчестерская полиция рекомендовала гражданам Великобритании не звонить на номера с кодом 0809 в связи с участвовавшими случаями телефонного мошенничества. *(Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.)*

[\[ii\]](#) Findtheone – от *Find the One*, «Найдите Ту Самую».

[\[iii\]](#) 8 размер в Великобритании соответствует размеру 42 на постсоветском пространстве (грудь 81, талия 63, бедра 88).

[iv] Адель – британская поп-певица.

[v] «Единственный путь – это Эссекс» – британский телевизионный сериал, мыльная опера.